

Охота на духов

Хроники
темных
времен

МИШЕЛЬ ТЕЙВЕР

Мишель Пейвер
Охота на духов
Серия «Хроники
темных времен», книга 6

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65098232

*Мишель Пейвер. Хроники темных времен. Книга 6: Охота на духов:
Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2021
ISBN 978-5-389-19720-6*

Аннотация

Зима близка. Скоро наступит Ночь Душ, самая опасная ночь в году, когда души гуляют на свободе, когда они ищут свои племена, которые однажды покинули. В эту ночь мертвые ближе всего подходят к живым. Этой ночи ждет Эостра, Та, Что В Маске, колдунья из племени Орла. Она укрылась в горном логове, точно паучиха опутав весь Лес своей магической паутиной. Она ходит, вооружившись копьём-трезубцем для ловли душ. Она на самом деле пожирает души. Горе тому, кто услышит ее крик. Эостра прекрасно понимает: Торак непременно станет ее преследовать. И она хочет этого.

Содержание

От автора	6
Глава первая	10
Глава вторая	18
Глава третья	31
Глава четвертая	44
Глава пятая	52
Глава шестая	56
Глава седьмая	65
Глава восьмая	70
Глава девятая	80
Глава десятая	85
Глава одиннадцатая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мишель Пейвер

Хроники темных времен.

Книга 6: Охота на духов

Michelle Paver

GHOST HUNTER

Text copyright © Michelle Paver 2009

Illustrations copyright © Geoff Taylor

First published in Great Britain in 2009

The right of Michelle Paver to be identified as the author of this work has been asserted

All rights reserved

© И. А. Тогоева, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Грандиозное фэнтезийное приключение, обширные знания о первобытной жизни и убедительные характеры героев.

Booklist

Долгожданный глоток свежего воздуха в царстве детской фэнтези... Мишель Пейвер умеет вызывать в голове у читателя те же грезы, что родились однажды в ее собственной голове, – грезы человека, бегущего вместе с волками по первобытному лесу.

Fantasy Book Review

Пейвер с разных ракурсов умело показывает целостную культуру охотников и собирателей, в которой нет ничего примитивного... Мудрая, полная достоинства, эта культура зиждется на сильном чувстве родства со своей средой обитания.

The Gardian

От автора

Мир Торака отстоит от нашего на шесть тысяч лет. Он возник сразу после ледникового периода и существовал вплоть до наступления эры земледелия, когда всю Северо-Западную Европу еще покрывали сплошные леса.

Люди во времена Торака выглядели почти так же, как мы с вами, но жили они по иным правилам и законам. Они не знали письма и колеса, не умели выплавлять металлы, но и не особенно во всем этом нуждались. Они и так прекрасно умели выживать в дикой природе, ибо знали все о животных, деревьях, съедобных и несъедобных растениях и камнях. И если им что-нибудь было нужно, они знали, где это найти или как это сделать.

Жили они маленькими племенами, которые часто перемещались с места на место. Некоторые оставались на стоянке лишь день-два, как, например, племя Волка. Другие могли прожить на одном месте целый месяц или даже целое лето, подобно племени Ворона или Кабана. Были и такие племена, которые круглый год жили на одном месте, например племя Тюленя. Так что некоторые из племен успели сменить место своего обитания со времени тех событий, что были описаны в «Клятве мстителя».

Собирая материал для «Охоты на духов», я посетила финскую Лапландию, причем среди зимы. Там, в национальном

парке имени Урхо Кекконена (в самой северной части края Саариселькя), я немало десятков миль исходила в снегоступах по следам лосей и видела, как северные олени раскапывают снег в поисках мха и лишайников при морозе минус восемнадцать по Цельсию.

Я также какое-то время прожила на плоскогорье Доврефьелль в Норвегии, где во время многочисленных длительных прогулок в полном одиночестве обрела истинное ощущение гор и испытала то странное, долго не отпускающее чувство, когда остаешься с этими горами один на один. Несколько раз мне довелось наблюдать там мускусных быков, которые очень похожи на мохнатых бизонов, но на самом деле являются родственниками овец. Я собирала клоки их невероятно теплой шерсти, которые эти животные оставляли на ветках кустов, и мне частенько приходилось менять маршрут своих прогулок, когда путь мне преграждало стадо мускусных быков. Я также поднялась на гору Сноэтта (2286 м). Ее внезапно наползающие туманы, фантастические скалы, утесы и предательские каменистые осыпи вдохновили меня на описание Горы Духов.

И наконец, я по-прежнему продолжала дружить с волками из UKWC (Британская государственная организация по охране волков), что было поистине замечательно. Это огромная привилегия – общаться с волками, которых я знала еще детенышами и которые теперь превратились в красивых взрослых волков, молодых, здоровых, счастливых и шумных.

И эту привилегию мне подарили те, кто так заботливо и преданно за этими волками ухаживает.

Я бы хотела поблагодарить всех сотрудников UKWC за то, что они позволили мне общаться с волками и даже подружиться с ними. Я также очень благодарна мистеру Деррику Койлу, старшему смотрителю воронов Тауэра (а ныне пенсионеру), который делился со мной своими поистине неисчерпаемыми знаниями об этих замечательных птицах. Огромное спасибо дружелюбным и всегда готовым помочь жителям финского округа Ивало, а также Эллен и Кнуту Нихус из Конгсвольд Фиелдстю, что на плоскогорье Доврефьелль, и прежде всего за то, что они провели меня через армейские стрельбища у подножия горы Сноэтта и дали мне возможность подняться почти на самую вершину этой горы.

Я хочу поблагодарить и всех сотрудников издательской группы «Орион» за их искреннюю поддержку, которую они оказывали мне с самого начала. Я также очень благодарна

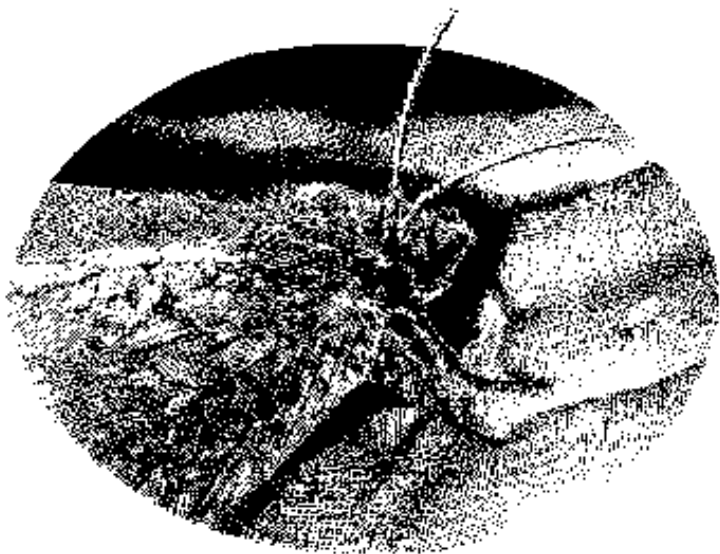
Джеффу Тайлору за великолепные иллюстрации к каждой из глав и за весьма наглядные, увлекательные карты и Джону Фордхэму за то, что он сумел уловить самую суть каждой из историй о Тораке и воплотить ее в прекрасных и выразительных рисунках на обложке.

И как всегда, большое спасибо от меня моему агенту Питеру Коксу за его неиссякаемый энтузиазм и умелую поддержку с самого начала и до публикации последней, шестой части книги.

И наконец, моя особая благодарность Фионе Кеннеди, которая и вдохновила меня на создание всех этих историй о Тораке, за ее безграничное воображение, талант, терпение, преданность и понимание. Лучшего издателя и редактора, чем были у меня, просто и желать нельзя.

Мишель Пейвер, 2009

Глава первая

Входить на притихшую стоянку Тораку не хотелось.

Огонь был мертв. В золе валялся топор Фин-Кединна. Лук Ренн был втопан в грязь. Волка нигде видно не было, хотя на земле и остались отпечатки его лап.

Топор, лук и волчьи следы кто-то словно присыпал странными серыми хлопьями, похожими на грязный снег. Но стоило Тораку подойти ближе, и в воздух плотным облаком взвились ночные бабочки. Он поморщился, отмахиваясь от

них, и даже немного отступил назад. Серые бабочки тут же вновь опустились на землю и принялись втягивать хоботками воду из влажной земли.

Невольно коснувшись столба у входа в жилище, Торак так и замер на месте от охватившего его отвращения: столб был странно липким на ощупь, а изнутри исходил уже знакомый ему противный сладковатый запах. Идти дальше он не решился.

Внутри было темно, но под шевелящейся массой серых бабочек виднелись три неподвижных тела. Разум Торака отказывался воспринимать случившееся, но глаза видели, а сердце знало.

Он отшатнулся, упал навзничь, и тьма сомкнулась над ним...

Охнув, Торак проснулся и резко сел.

Вокруг были стены знакомого жилища, а сам он лежал, свернувшись клубком, в своем спальном мешке. Но сердце по-прежнему билось в груди как бешеное. Во сне он, видно, так сильно стиснул зубы, что даже челюсти свело. Да нет, это, пожалуй, был не сон! Вот и мышцы у него напряжены, словно он не спал, а бодрствовал. Но как же мертвые тела, которые он видел? Похоже, Эостра сумела-таки проникнуть в его помыслы, совершенно исказив их.

«Это ей хотелось, чтобы я увидел их мертвыми», – убеждал себя Торак.

На самом деле все совсем не так. Вон Фин-Кединн спит

себе спокойно. И Волк со своим семейством в безопасности, и Ренн тоже. Она сейчас гостит в племени Кабана, и там ей уж точно ничего не грозит. А то, в чем Эостра пытается его убедить, неправда!

По ключице Торака что-то проползло. Ночная бабочка. Он смахнул ее рукой, и на пальцах остался мазок серой пылицы и омерзительный запах разложения.

Он заметил, как еще одна серая бабочка опустилась прямо на приоткрытые губы Фин-Кединна, спавшего у дальней стены.

Моментально выбравшись из спального мешка, Торак подполз к своему приемному отцу и прогнал противное насекомое. Бабочка вспорхнула, покружила над Фин-Кединном и вылетела в ночную тьму.

Вождь застонал во сне. Может, и в его сны уже проникают страшные видения? Но Торак знал: в таких случаях будить человека ни в коем случае нельзя, иначе жуткие картины долго еще будут его преследовать и тревожить.

Вот и к нему самому только что увиденный сон прилип, в точности как эта мерзко пахнувшая серая пылица. Торак натянул штаны и парку, обулся и выскользнул из жилища.

Уже наступил месяц Терна; от огромной луны по всей поляне тянулись длинные темно-синие тени, а над опушкой светлыми облачками клубилось дыхание Леса.

Некоторые собаки подняли голову при виде Торака, но даже не встали. Да и все стойбище словно затаилось. Нужно

было так же хорошо, как Торак, знать людей племени Ворона, чтобы догадаться: тут что-то не так. Жилища людей сбились в кучку, точно испуганные зубры, как бы стараясь держаться поближе к долгому костру – толстому стволу дерева, горевшему всю ночь. Колдунья Саеунн велела окружить поляну шестами и привязать к их вершинам пучки дымящихся можжевельных веток, чтобы оградить людей от серых ночных бабочек.

В развилке березы устроились вороны Рип и Рек. Сунув голову под крыло, они мирно спали.

«Значит, пока что серые бабочки нападают только на людей», – подумал Торак.

Не обращая внимания на сердитое гортанное ворчание воронов, Торак схватил обоих в охапку и, прижав к себе, уселся возле костра, погрузив пальцы в теплые жесткие перья.

Где-то в Лесу проревел самец благородного оленя.

В раннем детстве Торак очень любил слушать, как туманными осенними ночами режут благородные олени. С головой спрятавшись в спальный мешок, он в щелочку смотрел на угли костра и представлял себе мрачные, истоптанные копытами долины, где самцы скрещивают рога в яростной схватке. Но себя он чувствовал в полной безопасности, зная, что отец всегда сумеет отогнать и тьму, и злых духов.

Теперь-то он понимал, что это далеко не так. Три года назад, осенью, в такую же ночь он, скорчившись, прятался в

разрушенном убежище и беспомощно смотрел, как его отец умирает, истекая кровью.

Олень перестал реветь, и в Лесу стало почти тихо, лишь во сне поскрипывали и постанывали деревья.

«Хорошо бы кто-нибудь проснулся», – думал Торак.

Очень хотелось разбудить Волка, но если он сейчас позовет его, то перебудит все племя. А углубляться в лесную чащу, искать Волка, Темную Шерсть и волчат... Нет, ни за что!

«Как же я дошел до такого? – с изумлением думал Торак. – Я уже в Лес боюсь один войти!»

И он вспомнил, как с полмесяца назад Ренн говорила ему: «Вот так все и начинается. Сперва она посылает что-нибудь маленькое, что-нибудь совсем крошечное, какое-нибудь ночное существо. Нечто такое, что и в руках удержать невозможно. Эти серые бабочки – только начало. Посеянный ею страх будет расти, ибо именно он питает ее, делает сильнее».

Где-то вдали прокричал филин: «У-у-гу, у-у-гу!»

Торак схватил палку и со злобой ткнул ею в костер. Нет, он больше не в силах это терпеть! Он же совершенно готов: у него полный колчан стрел, а кончики пальцев на руках до сих пор еще болят, так старательно он шил себе новую зимнюю одежду. И нож с топором так остро наточены, что и волосок на лету разрезать сумеют.

Если б только знать, где искать эту проклятую Эостру! Она укрылась в своем горном логове, точно паучиха, опутав

весь Лес своей магической паутиной, и теперь способна почувствовать даже самое легкое дрожание тонких нитей. Она прекрасно понимает: Торак непременно станет ее преследовать, и хочет этого. И он непременно попробует ее найти. Только не сейчас. Потом...

Торак нахмурился, проклиная собственную трусость, и попытался прогнать эти мысли, глядя на мерцающие угли костра.

Очнулся он, лишь услышав, как кто-то окликает его по имени.

Дрова в костре прогорели. Вороны снова улетели к себе на дерево.

Но звавший его голос ему совершенно точно не приснился. Он его действительно слышал! И голос был такой знакомый – невыносимо знакомый. Нет, это совершенно невозможно!

Вскочив, Торак выхватил нож. Но, достигнув границы круга, по которой были расставлены шесты с пучками можжевельника, охранявшие стоянку племени, невольно остановился. Постоял немного, расправил плечи и решительно двинулся вглубь Леса.

Ярко светила луна. И сосны точно плыли в белом море тумана, просвеченного лунными лучами.

Чуть выше по склону холма что-то шевельнулось и тут же вновь пропало из виду.

Торак встал, задохнувшись, но не решаясь вздохнуть пол-

ной грудью и глотая воздух маленькими, поверхностными глотками. Ему опять стало страшно: страшно идти дальше, страшно преследовать того, кто там прячется. Но он должен это сделать! И он заставил себя лезть дальше, вверх по склону, цепляясь за колючие ветки подлеска и царапая руки.

На середине пути Торак остановился и прислушался. Тишина. Лишь неприятно шуршат, стекая по веткам, капли сгустившегося тумана.

Что-то щекотно коснулось его правой кисти.

У основания своего большого пальца он увидел серую ночную бабочку, которая пила кровь, выступившую из крошечной ранки.

– Торак... – послышался из лесной чащи чей-то молящий шепот.

Ужас насквозь пронзил ему грудь, ледяными пальцами стиснул сердце. Нет, нет, это невозможно!

Торак полез выше.

Сквозь ключья тумана он разглядел возле валуна силуэт высокого мужчины.

– Помоги... – прошелестело оттуда.

Торак ринулся вперед.

Но знакомый силуэт уже растаял во тьме.

И возле валуна не осталось никаких следов; лишь слегка покачивалась низко склонившаяся ветка дерева. Но чуть дальше за валуном Торак обнаружил старое кострище. Дрова догореть не успели, но уже остыли и были покрыты сло-

ем серой, влажной от тумана золы. Торак долго смотрел на кострище, имевшее форму звезды. Нет, быть этого не может! Только он сам и еще один-единственный человек на свете могли так выложить дрова в костре!

– Оглянись, Торак.

Он резко обернулся.

В двух шагах от него из земли торчала стрела.

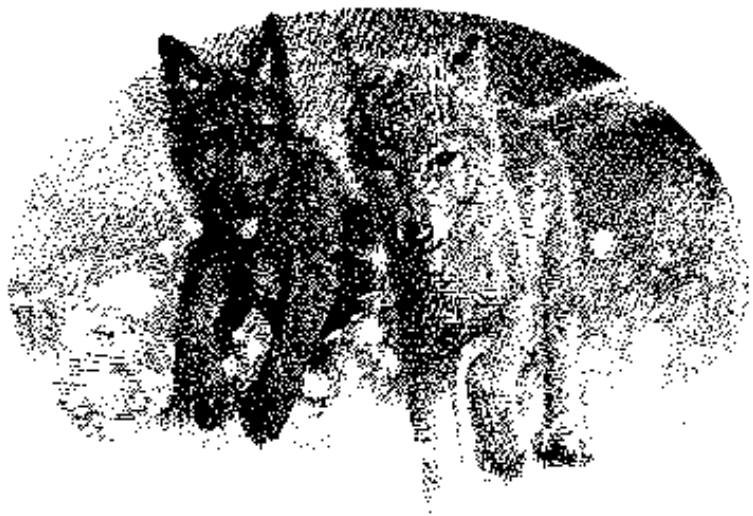
Торак мгновенно узнал эту стрелу по оперению. И понял, кто ее сделал. И ему до боли захотелось хотя бы прикоснуться к этой стреле.

В страшном волнении он облизнул пересохшие губы, но и во рту у него тоже пересохло.

– Это ты? – спросил он хриплым от страха и затаенной надежды голосом. – Это ты?.. Отец?

Глава вторая

– Все-таки вряд ли это был он, – сказал Фин-Кединн.

– Это был он! Мой отец! – повторил Торак, тщательно скатывая свой спальный мешок. – И это была его стрела, и костер тоже он сложил, и голос принадлежал ему. Это был дух моего отца.

Фин-Кединн, сидевший у входа в жилище, ударил посохом о землю.

– Чужим голосам многие подражать умеют. А те, кто хо-

рошо знал твоего отца, помнят, как он поленья в костре выкладывал. Что же касается стрелы...

– Я понимаю, – прервал его Торак, – любой мог его стрелу найти. Я ведь тогда так его в Лесу и оставил. И никаких рябиновых веток, никаких ритуальных песнопений... Я только и успел кое-как Метки Смерти нанести. Ничего удивительного, что его дух так и не обрел покоя.

Торак сорвал с перекладки под крышей несколько полосок вяленого мяса и сунул их в мешочек для съестных припасов.

«Вяленая оленина... – задыхаясь, шептал тогда умирающий отец. – Забери с собой все припасы».

Но Торак так спешил, что не только оленину, а и все остальное там позабыл.

– Тебе тогда было всего двенадцать, – тихо сказал Фин-Кединн. – Ты и так сделал все, что мог.

– Нет, я сделал недостаточно! И теперь отец просит меня о помощи.

– А может, это Эостра хочет внушить тебе подобные мысли?

Торак на мгновение замер. В эти тревожные дни мало кто осмеливался произносить вслух ее имя.

– Ей ведь только этого и нужно, – продолжал Фин-Кединн. – Украдкой проникнув в мысли человека и его сны, она живет за счет его страха.

– Да, я знаю.

– Знаешь? А знаешь ли ты, как она сильна? Она вырастила себе в помощь целую орду токоротов. Да и огненный опал сейчас у нее в руках. Все прочие Пожиратели Душ боялись Эостры. А ты хочешь в одиночку отправиться на ее поиски.

Торак молчал. Туман еще больше сгустился, точно белым молоком окутав стоянку; племя Ворона постепенно пробуждалось навстречу новому дню, и люди, как призраки, то появлялись, то вновь исчезали в тумане, бродя между жилищами. Торак, видя их изможденные, испуганные лица, думал: «А что, если этот туман тоже наслан Эострой?»

Развязав свой мешочек с целебными снадобьями, он проверил, на месте ли кусок магического черного корня, который он давно уже выпросил у Саеунн на тот случай, если ему понадобится выпустить на волю свою блуждающую душу. Но разве можно было считать это оружием, способным противостоять Повелительнице Филинов?

– Может быть, ты и прав, – сказал Торак вождю племени, – и то, что я видел прошлой ночью, всего лишь дело рук этой проклятой колдуньи. Ведь мой отец тоже какое-то время был Пожирателем Душ, и, возможно, она сумела до некоторой степени подчинить себе его душу. Нет, Фин-Кединн, сидеть сложа руки я не могу! Я должен что-то предпринять!

– погоди. Эти бабочки у нас появились всего несколько дней назад. И даже мудрая Саеунн никогда ничего подобного не видела. Я получил весточку от Даррейн из племени Благодарного Оленя – она полностью со мной согласна в том,

что нашим племенам нужно немедленно объединиться. Если мы этого не сделаем, если поддадимся всеобщему страху, то неизбежно окажемся во власти Эостры.

– Не могу я больше ждать! – взорвался Торак. – Я уже неоднократно пытался уйти, но ты каждый раз твердил. «Нет, еще не время!» Горы слишком велики, говорил ты, и логово Эостры можно искать всю жизнь, да так и не найти. Но ведь теперь-то она явно перешла в наступление! Кто знает, какую еще напасть она способна на нас наслать? Это моя судьба, Фин-Кединн. Я должен встретиться с нею. Неужели же мне ждать, пока она весь Лес к рукам приберет?

– Ну и как же ты намерен поступить? Будешь бродить по Горам, полагаясь на удачу?

– Думаю, долго бродить мне не придется. Эостре нужна моя блуждающая душа. И когда она будет готова отнять ее у меня, то объявится сама.

– Подумай, что ты говоришь, Торак! «Когда она будет готова...» А что, если это случится, когда ты будешь один? Ведь тогда может оказаться слишком поздно спасти тебя! Нет, я тебя не отпускаю!

– Но и остановить меня ты не можешь!

Теперь они смотрели друг другу прямо в лицо. Фин-Кединн был по-прежнему значительно шире в плечах и сильнее, но Торак стал куда выше ростом, и ему теперь уже не нужно было задирать голову, чтобы посмотреть в глаза вождю племени.

Подхватив с земли мешочек со снадобьями, Торак крепко стянул тесемкой горловину и сказал:

– Когда Ренн вернется, передай ей, пожалуйста, что я прошу у нее прощения. Что я никак не мог взять ее с собой – для нее это было бы слишком опасно. Уж этим-то моим решением ты, по крайней мере, должен быть доволен, – прибавил он с легкой горечью.

С тех пор как Тораку исполнилось пятнадцать лет – а с этого возраста закон племен разрешает юноше подыскивать себе подругу, – Фин-Кединн, похоже, всеми силами старался разлучить их с Ренн.

Вождь племени Ворона, в сердцах отшвырнув посох, пошел прочь, но, сделав несколько шагов, вернулся и сказал, глядя Тораку в глаза:

– Я понимаю, как сильно ты хотел бы увидеться с мертвым отцом. Поверь, я действительно хорошо тебя понимаю. Когда умерла твоя мать... Но, Торак, подобным желанием нужно сопротивляться! Живые и мертвые не могут быть вместе. Для живых это становится проклятием, это сводит их с ума!

Он говорил с непривычной страстностью, и на несколько мгновений ему почти удалось убедить Торака. Но затем юноша все же упрямо вскинул на плечо лук и колчан со стрелами, поднял топор и приготовился идти, сказав лишь:

– Это мой отец.

– Да, твой отец. И твоя судьба. Но это не только твоя война! Беда угрожает нам всем!

– Именно поэтому я и должен идти. Я больше не могу бездействовать.

Вскоре после этого разговора Торак покинул стойбище племени Ворона. Он шел на восток, и, хотя туман действовал на него угнетающе, серых бабочек больше видно не было. Да и никакой особой опасности поблизости он не чувствовал.

К середине дня туман рассеялся, выглянуло солнце, и на янтарных папоротниках и серебристо-зеленых бородах мха заблестели, переливаясь, капельки влаги. Последние алые цветы кипрея еще виднелись среди начинавших желтеть берез и украшенных красными гроздьями ягод рябин. Казалось, это последняя вспышка лесной красоты перед тем, как вся природа погрузится в зимнюю спячку. Осень принесла отличный урожай орехов и ягод, и в подлеске так и кишело всякое зверье, наслаждаясь осенним пиршеством. Сойки, как всегда, ругались из-за каждого желудя. Белки торопливо прятали лесные орехи под плотной лиственной подстилкой,

запасаясь едой на зиму.

Рип и Рек пролетели мимо Торака, делая вид, что не замечают его, но вопили при этом так сердито и пронзительно, точно были не воронами, а перепуганными дятлами. Они были страшно недовольны тем, что из-за Торака им пришлось покинуть стоянку племени, где оба уже успели растолстеть от бесконечных подачек, особенно Рип. Весной в сражении с Повелителем Дубов он, правда, потерял маховое перо, но теперь перо успело отрасти заново, хоть и было почему-то белого цвета. Впрочем, это означало, что отныне все племена будут относиться к Рипу с особым почтением.

Торак на воронов почти не обращал внимания. Его неотступно терзала мысль о том, как нехорошо он поступил с Ренн. Она теперь ни за что ему этого не простит. И все же он знал: поступить так было необходимо. В теперешних обстоятельствах он должен быть один. Ибо видение растерзанного стойбища, явившееся ему во сне, вполне могло стать явью. И когда ему придется лицом к лицу столкнуться с Повелительницей Филинов, Ренн не следует при этом присутствовать.

Как и Волку.

Именно поэтому Торак и выбрал окольный путь к Горам. Прямой и самый короткий путь пролегал через реку Пепельная Вода, а для этого надо было идти вверх по течению Быстрой Воды на юго-восток. Торак же двинулся на северо-восток к той гряде, что тянулась над рекой Прыжок Лошади. В те края Волк и Темная Шерсть не так давно перевели сво-

их волчат, и Тораку хотелось попрощаться с волчьим семейством.

Перед Логовом была удобная площадка для игр – неширокая полоска ровной земли на самой вершине утеса, – которую с одной стороны ограждал ствол упавшего ясеня, а с другой – густые колючие заросли. Было уже за полдень, когда Торак туда добрался; Темная Шерсть и волчата радостно его приветствовали, но Волка в Логове не оказалось: он охотился.

Торак, пожалуй, испытал даже некоторое облегчение. Значит, придется построить шалаш и дожидаться своего названного брата. Значит, можно отложить неизбежное хотя бы до завтра.

Когда спустились сумерки, Торак разжег костер и принялся мастерить простенький шалаш, прислонив к стволу ясеня крупные еловые ветви; лук и колчан со стрелами он подвесил повыше, чтобы не достали любопытные волчата. Сейчас

в семействе осталось только двое детенышей, но и те ухитрялись постоянно путаться у Торака под ногами. Третий волчонок с остренькими, как у лисы, ушками, которого Ренн назвала Щелкуном, месяц назад умер от какой-то болезни.

Покончив с устройством шалаша, Торак пошел собирать черную смородину. Волчата увязались за ним – маленькая черная Тень, обожавшая грызть башмаки, и быстрый Камешек, который всегда первым вылетал из логова и бросался Тораку навстречу.

Смородина явно перезрела, и ягоды расплзались в руках; волчата с наслаждением слизывали с ладоней Торака кисло-сладкий сок. Тень, поставив передние лапки ему на колени, приподнялась и одарила липким «волчьим поцелуем», сладко лизнув в лицо, а Камешек, у которого уже вся мордочка стала лиловой, вдруг решил похулиганить и «напасть» на только что построенный Тораком шалаш. Вцепившись зубами в одну из веток, он с силой потянул за нее, но, увидев, что шалаш закачался и может рухнуть, сразу испугался, чуть ли не кувырком подкатился к матери и спрятался у нее под брюхом.

Глядя, как Темная Шерсть вылизывает своих детенышей, Торак понимал: он все делает правильно. Волчатам всего три месяца от роду, они еще слишком малы, чтобы проделать такой долгий путь и добраться до Гор. А Волк никогда не бросит своих детенышей.

Продолжая размышлять на эту тему, Торак забрался в

спальный мешок и понял, что хорошо поступил, надев зимнюю одежду, ибо ночь обещала быть морозной. Помимо теплой верхней парки и штанов из шкуры северного оленя, на нем была еще тонкая нательная рубаша из утиной кожи и тонкие штаны. На ногах – замечательные, не пропускающие воду башмаки из шкуры бобра.

Он проспал совсем немного, когда его разбудило чье-то возбужденное повизгивание.

Это вернулся Волк, и семейство высыпало из Логова, чтобы поздороваться с ним. Волчата, виляя хвостом, сглатывали мясо, которое он принес для них и теперь отрыгнул. А светки на волков нетерпеливо поглядывали Рип и Рек, надеясь тоже ухватить кусочек. Впрочем, Темную Шерсть воронам было не провести, да и волчата уже научились не поддаваться на хитрости вороватых птиц и отгоняли их грозным рычанием и прыжками.

В лунном свете площадка перед Логовом блестела, покрытая инеем, а светлые глаза волков отливали серебром. Увидев, что Торак вылез из шалаша, Волк прыгнул на него, и они, обнявшись, принялись кататься по земле, ласково тыча друг в друга носами. «Охота была хороша, волчата растут сильными!» – сообщил Волк.

А Торак, подняв к небу глаза, увидел, что луна скрылась и черное небо сплошь усеяно белыми точками: шел крупный снег.

Волчата видели снег впервые в жизни и страшно ему ра-

довались. Они тут же принялись охотиться на снежинки, яростно кляца зубами и стараясь поймать эту странную безмолвную добычу, а потом придавливали ее к земле передними лапками или слизывали друг у друга со шкуры. Торак опустил на колени, и они, сразу же навалившись на него, стали тыкаться ему в лицо маленькими холодными носами. Волк и Темная Шерсть присоединились к общему веселью, и некоторое время все гонялись друг за другом, бегая по кругу и порой оказываясь на самом краю обрыва, так что вниз сыпались камешки и с плеском падали в реку, протекавшую у подножия утеса.

Наконец Торак присел на корточки у костра, а волки подняли морды и запели. Торак слушал неровное подвывание волчат и сильные, уверенные голоса их родителей и с ужасом думал о том, как трудно ему будет уйти от них. Но хуже всего было то, что он ничего не мог сказать Волку о своих планах, чтобы не ставить того перед мучительным выбором: последовать ли за Тораком, покинув свое семейство, или остаться с Темной Шерстью и волчатами, бросив названного брата на произвол судьбы.

Волк, разумеется, почуял охватившее Торака беспокойство, перестал выть и подбежал к нему. В его густой зимней шерсти посверкивали снежинки, но язык, когда он лизнул Торака, был теплый.

«Ты опечален?» – спросил Волк.

«Нет», – солгал Торак.

Волк больше ни о чем спрашивать не стал, а просто привалился к нему боком, и одного этого оказалось достаточно, чтобы Торак успокоился.

Здесь, в волчьей семье, Торак чувствовал себя в безопасности; он больше не боялся серых бабочек Эостры и вскоре крепко уснул. Проснулся он уже на рассвете. Волчата лежали тесным клубком, чуть присыпанные снегом; Темная Шерсть и Волк свернулись рядом с ними.

Торак тихонько притушил костер и вскинул на плечо свои пожитки.

Лапы Волка чуть подергивались во сне, но, когда Торак опустилсь возле него на колени, тот сразу проснулся, открыл глаза и повилял хвостом.

«Идешь охотиться?» – спросил он, наставив ухо.

«Да», – по-волчьи ответил Торак и, зарывшись лицом в густую шерсть у Волка на загривке, несколько раз вдохнул дорогой сердцу запах. Потом заставил себя встать и быстро пошел прочь.

Утро выдалось очень холодным, снег так и похрустывал под ногами. На более высоких и открытых склонах ветер обнажил участки, заросшие медвежьей ягодой, толокнянкой, казавшейся на снегу ярко-красной, как брызги крови. На одном из таких открытых склонов Торак нашел мертвую серую бабочку. Он тронул ее носком башмака, и она обратилась в прах.

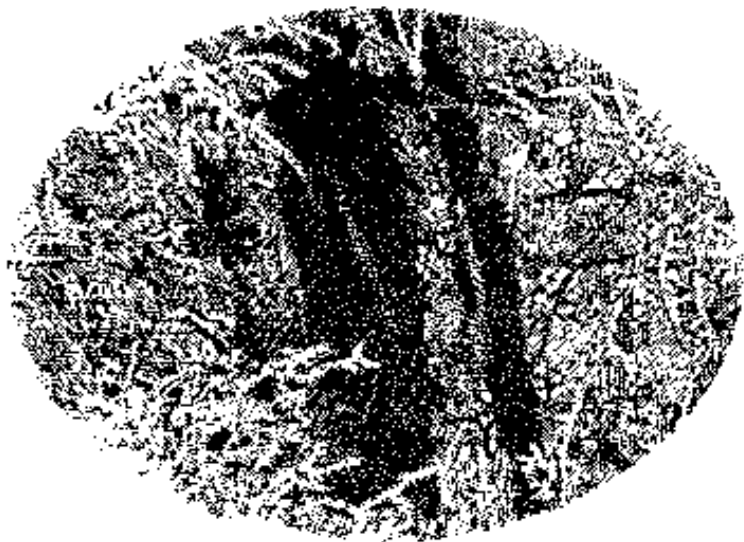
Чуть дальше, в подлеске, он вскоре обнаружил целую рос-

сыпь дохлых бабочек. Их, видно, погубил мороз.

«Или же, – с тревогой подумал Торак, – они просто больше не нужны Эостре. Возможно, возложенную на них задачу они уже выполнили».

Глава третья

– Разве ты их не слышишь? – прошептал больной.

– Не слышу кого? – спросила Ренн.

– Этих злых духов...

Ренн вытащила из костра горящую ветку и старательно осветила каждый угол жилища племени Кабана.

– Посмотри, Аки. Тут нет никаких злых духов.

– Их эти бабочки сюда привели, – словно не слыша ее, пробормотал Аки, раскачиваясь взад-вперед. – Теперь они

от меня не отстанут.

– Но здесь нет никаких...

Схватив Ренн за руку, Аки выдохнул ей в самое ухо:

– Ты их просто не видишь! Потому что они в моей тени прячутся!

Ренн невольно от него отшатнулась.

А больной, озираясь с затравленным видом, продолжал:

– Я все время их слышу, этих духов! Слышу клецанье их зубов. И сердитое сопение. А утром, когда моя тень особенно длинна, я их вижу. В полдень же, когда моя тень становится совсем короткой и подползает к самым ногам, они прячутся в меня. Мне под кожу. А потом вгрызаются прямо в мои души. Ай! Ай! Убирайтесь! – И он сердито замахнулся на свою тень.

Ренн просто не знала, что делать. Она страшно устала и прямо-таки валилась с ног. Вот уже несколько дней она тщетно пыталась отогнать серых бабочек от стойбища племени Кабана, поскольку их колдун свалился в лихорадке. И теперь еще это...

Из-под ногтей у Аки уже текла кровь, но он упорно продолжал царапать циновку. Ренн пробовала его удерживать, но он был гораздо сильнее и все время вырывался. Пришлось позвать на помощь. В жилище вбежал отец Аки и схватил сына в охапку, прижимая к груди. Следом за ним вошел и колдун племени, пошатываясь от изнуряющей лихорадки. Колдун поднял племенной оберег в виде спирали и быстро

начертал в воздухе знак Руки.

– Аки утверждает, что в его тени прячутся злые духи, – сказала ему Ренн.

Колдун кивнул:

– Я только что видел еще двоих людей, пораженных тем же недугом. Ренн, если так пойдет и дальше, то скоро эта болезнь доберется и до племени Ворона. Я уже неплохо себя чувствую. Возвращайся к своим, девочка.

Племя Кабана разбило стоянку на реке Большого Буруна, меньше чем в дне ходьбы к северу от стоянки племени Ворона, однако из-за тумана Ренн была вынуждена идти гораздо медленнее. Пока она, спотыкаясь, брела сквозь туман, в голове у нее роились мысли о серых бабочках и колдунье Эостре, скрывающей свой лик под маской филина. Каждый с шорохом упавший на землю листок заставлял Ренн вздрагивать от страха. И она очень жалела, что отказалась от предложения вождя, отца Аки, проводить ее.

Мысли ее устало бродили по кругу. Как остановить нашествие серых бабочек? Как бороться с этим странным недугом? Как быть, если Саеунн, которая стала совсем стара и слаба, ничем не сможет помочь ей и она будет вынуждена все делать сама?

И точно темное подводное течение, подо всеми этими мыслями то и дело возникал один и тот же мучительный, тревожный вопрос: что с Тораком?

Несколько дней подряд Ренн пыталась гадать по золе, а

прошлой ночью поместила себе под спальный мешок сонник – кусочек рябиновой древесины, обмотанный прядью волос Торака. И теперь очень жалела об этом, ибо все ее гадания дали один и тот же результат. Так что оставалось лишь молиться, чтобы эти предсказания оказались ошибочными.

К середине дня туман рассеялся; Ренн остановилась, чтобы немного передохнуть под большим буком и съесть лепешку из лосося. Она как раз развязывала свой мешочек с провизией, когда зигзаг молнии, вытатуированный у нее на запястье, вдруг стало подозрительно покалывать. Она снова завязала мешочек и осторожно осмотрела дерево.

Странный остроконечный знак на другой стороне ствола, явно кем-то недавно вырубленный, она заметила почти сразу. Шириной примерно с ладонь, он был именно вырублен топором, а не вырезан в мягкой серебристой коре бука.

Ренн никогда ничего подобного не видела. Знак был похож на огромную птицу с распростертыми крыльями. Или на гору с предгорьями.

И вырубили его совсем недавно. Из свежих порезов еще сочился древесный сок. Похоже, тот, кто это сделал, был очень зол и хотел причинить дереву боль.

Вытащив нож, Ренн внимательно осмотрелась. В Лесу уже начинало темнеть. Под деревьями сгущались тени.

Ренн понимала: на свете есть только одно существо, способное причинить другому живому существу такую адскую боль. Токорот. Злой дух в теле ребенка.

Она коснулась шрама на тыльной стороне своей руки – туда два года назад вонзил свои ядовитые зубы один такой токорот – и сразу вспомнила эти мерзкие, грязные, спутанные волосы, эти острые, опасные клыки и когти. И вдруг ей показалось, что ветви дерева над ней шевельнулись, послышался знакомый гортанный смех, и мерзкая тварь ловко перепрыгнула с одного дерева на другое...

«Никого здесь нет!» – сказала Ренн себе.

И тут же стремглав ринулась вверх по склону.

«Ничего, стоянка уже недалеко, – уговаривала она себя. – Вот переберусь через эту гору и снова окажусь в долине реки Пепельная Вода, а дальше идти совсем легко, все время под гору...»

К ночи стало здорово подмораживать. До стойбища племени Ворона Ренн добралась уже в полной темноте. Но соплеменники, сгрудившись возле долгого костра, приветствовали ее лишь сдержанными кивками, и никто не спросил, отчего она выглядит такой испуганной. Страх так и висел в воздухе. Прав оказался колдун племени Кабана: беда пришла и в племя Ренн.

Двое молодых охотников, Сиалот и Пои, были сражены тем же недугом и тоже утверждали, что в их тенях таятся злые духи. Целый день они бродили по стоянке и оставляли повсюду какие-то странные остроконечные отметины: на земле, на деревьях и даже на собственном теле. Ренн сказали, что Фин-Кединн сейчас у реки, совершает жертвоприно-

шение, а Торак ушел еще утром и направился куда-то в Горы.

Услышав об этом, Ренн как-то придушенно вскрикнула и ринулась в свое жилище.

Там у костра сидела Саеунн, колдунья племени Ворона, и гадала по золе.

– Почему ты его не остановила? – крикнула Ренн.

Саеунн даже глаз на нее не подняла. Она сидела, нахолодившись под своей накидкой из шкуры лося, и неторопливо «кормила» огонь, бросая в него кусочки ольховой коры и внимательно следя за тем, как они скручиваются и шипят, и надеясь в этом шипении услышать голоса духов.

– Гора Духов, – еле слышно выдохнула Саеунн. – Ах... да...

Ренн швырнула на пол оружие и на четвереньках подползла к колдунье.

«Гора Духов? Неужели и та метка, которую я нашла на дереве, свидетельствовала об этом?»

– Там она устроила свое логово. Жаждет властвовать над мертвыми. Да... Впрочем, она всегда именно этого и хотела, – продолжала колдунья.

Ренн думала о том, как Торак идет по Лесу к этой Горе, даже не предполагая, что может там ему угрожать. Вскочив, она принялась набивать свой мешочек для провизии лепешками из лосося.

– Что, так прямо ночью за ним и побежишь? – насмешливо спросила Саеунн. – Когда вокруг полно серых бабочек

и люди больны страхом перед собственной тенью, а в Лесу тебя поджидают токороты Эостры?

Ренн перестала лихорадочно метаться по жилищу, но все же решительно заявила:

– Тогда как только рассветет!

– Ты не можешь просто так уйти. Ты – колдунья. Ты должна остаться и помочь своему племени.

– Им поможешь ты, – возразила Ренн.

– Я слишком стара, – сказала Саеунн. – И скоро пойду навстречу своей смерти.

Ренн с тревогой глянула на нее и натолкнулась на ее ледяной, твердый, как камень, взгляд. Только сейчас она заметила, как сильно сдала Саеунн даже за то недолгое время, что сама Ренн провела в племени Кабана. Череп старой колдуньи, обтянутый сухой, покрытой веснушками кожей, выглядел хрупким и желтым, как перезрелый гриб-дождевик: одно прикосновение – и от него останется лишь облачко пыли.

Однако ум Саеунн был по-прежнему острым, как когти ворона.

– Когда я умру, – непререкаемым тоном заявила она, – колдуньей племени станешь ты.

– Нет, – сказала Ренн.

– Выбора у тебя нет.

– Можно найти и кого-то другого. Бывает ведь, и не так уж редко, что люди выбирают себе колдуна вообще из другого племени.

– Глупая девчонка! – рассердилась Саеунн. – Я знаю, почему ты пренебрегаешь своим долгом! Но неужели ты думаешь, что он – даже если ему удастся выжить после сражения с Пожирательницей Душ, даже если ему удастся ее уничтожить, а потом хватит сил, чтобы рассказать об этом, – останется вместе с нами? Он же скиталец, это у него в крови! Ты останешься, а он уйдет. Вот как все будет!

В эти мгновения Ренн действительно ненавидела Саеунн. Ей хотелось схватить старуху за хрупкие костлявые плечи и изо всех сил встряхнуть.

Саеунн прочла ее мысли и коротко рассмеялась – точно пролаяла.

– Ты сейчас ненавидишь меня только за то, что я сказала чистую правду! Но ты и сама прекрасно все понимаешь. Ты же прочла знаки.

– Нет, – прошептала Ренн.

Саеунн крепко стиснула ее запястье:

– Расскажи Саеунн, что ты видела.

Острые ногти колдуньи, такие же бесцветные и холодные, как когти птицы, впились Ренн в кожу, но вырваться она не могла.

– Дрожит... дрожит и ломается хрустальный Лес... – запинаясь, пробормотала она.

– Тень возвращается, – продолжила за нее Саеунн.

– Белый страж спешит меж звезд...

– Но не может спасти Слушающего.

Ренн судорожно сглотнула и еле слышно промолвила:

– А Слушающий лежит, холодный и неподвижный, на вершине Горы.

– Ах... – вздохнула колдунья. – Огонь и зола никогда не лгут.

– Но на этот раз они, должно быть, ошибаются! – выкрикнула в отчаянии Ренн. – И я это докажу!

– Огонь и зола никогда не лгут, – повторила Саеунн. – Эостра застигнет его врасплох, одного. И ни тебя, ни его Волка с ним рядом не будет.

– Не застигнет! – вскричала Ренн. – Ей нас не разлучить! И он не предстанет пред ней в одиночестве!

– Увы, предстанет. Я сама это видела, гадая по золе и бросая гадальные кости; и каждый раз они твердо говорили мне одно и то же – то, что ты сама в глубине души прекрасно понимаешь: человеку с блуждающей душой суждено умереть!

Лишь под конец этой кошмарной ночи Ренн все-таки уда-

лось ненадолго уснуть, но ей ничего не приснилось. А когда она проснулась, то с ужасом обнаружила, что давно уже утро.

Выпал первый снег, и его белое сияние на мгновение ослепило Ренн, когда она с тяжелой головой и негнушимися конечностями выползла из жилища. Вокруг царил суматоха. Племя готовилось к отъезду; люди разбирали жилища, делали салазки из стволов молодых деревьев и оленьих шкур; а собаки – уж они-то сразу поняли, чем дело пахнет, – носились вокруг, готовые с радостью встать в упряжки.

Ренн отыскала Фин-Кединна, который, как и все остальные, снимал шкуры со своего жилища.

– Куда теперь? – спросила она. – И почему сейчас?

– На восток, в холмы. Там соберутся все племена. Ближе к Сердцу Леса людям будет безопаснее. – Вождь взглянул на нее. – Ты собралась вдогонку за Тораком?

– Да.

Она ожидала, что он попытается ее остановить, станет отговаривать, но он продолжал работать. Лицо у него было серым. Он явно не спал всю ночь.

– Почему ты снимаешься с места прямо сейчас?

– Я же сказал: ближе к Сердцу Леса людям будет безопаснее.

– Людям? А ты... разве не пойдешь вместе со всеми?

– Нет. Мне нужно отлучиться. А вместо меня пока будет Тхулл. Саеунн сумеет дать ему дельный совет, когда племена соберутся вместе.

– Что? – Ренн в изумлении уставилась на него. – Но ведь... ты сейчас им нужен куда больше, чем когда-либо! Ты не можешь просто так уйти и оставить их!

Фин-Кединн повернулся к ней лицом:

– Неужели ты думаешь, что я оставил бы свое племя, если бы не был убежден, что это единственно возможный выход? Да я много дней только об этом и думал. И теперь совершенно уверен, что поступаю правильно.

– Но почему? И куда ты собираешься идти?

Вождь племени колебался. Потом все же сказал:

– Мне нужно найти того единственного, кто может помочь Тораку. И всем нам.

– Кто же это?

– Я не могу тебе этого сказать, Ренн.

Она так и вскинулась:

– Не можешь? Или не хочешь?

Он не ответил.

Ренн тихо вскрикнула и отвернулась от него. Все вдруг стало происходить как-то слишком быстро. Сперва Торак. Теперь Фин-Кединн.

Она почувствовала, как дядя взял ее за плечи и мягко повернул к себе. Она видела, как поблескивают снежинки на белом мехе его парки, видела серебристые нити в его темно-рыжей бороде.

– Ренн. Посмотри на меня. Посмотри на меня! Я действительно не могу тебе этого сказать. Потому что поклялся сво-

ими душами. Я поклялся, что никогда и никому этого не скажу.

Ледяные цветы расцвели на берегах реки Прыжок Лошадки. На деревьях сверкал иней. Было, пожалуй, чересчур холодно для месяца Терна. И Ренн чувствовала, что это как-то неправильно.

Она догадывалась, что Торак, решив, что ей слишком опасно идти с ним, попытается отделаться и от Волка; а значит, сперва он непременно сходит попрощаться с Волком и его семейством. Чтобы сэкономить время, Ренн перешла речку вброд и стала быстро подниматься по более пологому южному берегу.

«Вряд ли, – думала она, – Торак шел тем же путем».

Во всяком случае, никаких его следов она пока не обнаружила.

Она была слишком встревожена, чтобы на него сердиться. Он уже целых три зимы прожил под бременем того, что

предвещала ему судьба, и все последнее лето она сама видела и чувствовала, как нарастает в его душе ужас перед грядущим. Сам Торак никогда об этом не говорил, но порой, когда они сидели у огня или играли с волчатами, Ренн замечала, как напряженно смотрят его глаза, как он сурово стискивает зубы, и понимала: он думает о том, что ждет его впереди.

Ах, если б только он не был так уверен, что обязан непременно со всем справиться в одиночку!

Она так поздно покинула стоянку племени Ворона, что до логова Волка было еще далеко, когда ей уже пришлось задуматься о ночлеге. Сердясь на себя, она от отчаяния даже зубами скрипнула. Теперь Торак опережал ее уже на целый день пути, а по Лесу он ходил очень быстро.

И чтобы добраться туда, ему наверняка хватит и одного дня.

Глава четвертая

Торак напрасно потратил целое утро, пытаясь отыскать подходящее место, чтобы перебраться через речку. Чем выше по течению он продвигался, тем круче становился ее северный берег, и в итоге ему попросту пришлось повернуть обратно.

От этого он просто в отчаяние пришел: он же вырос в этих долинах, как же можно было так быстро их позабыть?

А еще ему страшно не хватало Волка. Они, конечно, рас-

ставались и раньше, но тогда все было иначе. Торак почти надеялся, что Волк все-таки решит отыскать его, и тогда снова знакомая серая тень мелькнет среди деревьев и бросится к нему.

За одну ночь Лес стал белым. Торак заметил на земле широкую полосу – это барсук, собрав папоротник, тащил его к себе в нору, устраивая постель для долгой зимней спячки; а кое-где виднелись пятна взрытой темной земли – это северный олень вскопал неглубокий снег копытом, добираясь до мха.

Но ту метку на тисовом дереве он увидел еще за десять шагов: она прямо-таки кричала.

Торак, правда, не был уверен, что до конца понял ее значение – возможно, там действительно была изображена гора и большая птица, летящая по направлению к этой горе, – но сердце подсказывало ему, для чего оставлена здесь эта метка.

«Я рядом, – говорила ему Повелительница Филинов. – Я жду тебя».

Торак даже зашипел от ярости. Знак Эостра вырубил так глубоко, что сильно повредила кору и наружу выступил древесный сок. Казалось, причинив боль этому дереву, она угрожает и всему Лесу.

Поддавшись внезапному порыву, Торак вытряхнул на ладонь немного охры из материнского рожка и втер ее в рану, нанесенную тису. Вот так. Это особенный рожок, он сделан из рога Всемирного Духа, и, возможно, та охра, что в нем

хранится, сумеет помочь тису заживить порезы.

И потом, этим Торак как бы выразил свое презрение к предупреждающим знакам Пожирательницы Душ: пусть знает, что ему наплевать на ее угрозы!

Когда он двинулся дальше, то услышал, как вдали Темная Шерсть коротко вопросительно пролаяла: «Где ты?» – и как Волк еле слышно провыл в ответ: «Я здесь!» Впрочем, голоса их звучали спокойно и весело. И Торак сказал себе: «Я поступил правильно, что не взял Волка с собой».

И все-таки до чего же ему не хватало Волка!

Все светлое время Волк проспал, но как только пришла Тьма, он отправился на охоту. Когда он уходил, его подруга, Темная Шерсть, учила волчат избегать рогов зубра, отыскав где-то старый сброшенный рог зверя. Она подбрасывала рог вверх, стараясь направить его острием к детенышам, а волчата кидались на него и, разумеется, больно стучались носами.

Пока Волк рысцой бежал по Лесу, он то и дело ловил запах легкой добычи, набивавшей себе брюхо последними орехами и грибами. Возле огромной ели, о которую северный олень чесал растущие у него на голове ветки, которые Большой Брат называл рогами, Волк остановился, поднялся на задние лапы и полизал оставленные оленем вкусные кровавые следы.

И все-таки покоя в душе у Волка не было.

Здорово подморозило, и земля у Волка под лапами была твердой как камень; казалось, даже деревья пробирает дрожь. И холод этот странным образом таил в себе опасность.

Волк чувствовал: Большой Бесхвостый что-то от него скрывает. Он сказал, что идет охотиться, но Волк сразу понял, что не дичь у него на уме. Странно, почему же Большой Брат не сказал ему прямо? Как он мог что-то скрывать от него, своего брата?

Но хуже всего было то, что во сне Волку явилась Та, Что С Каменным Лицом. И вокруг нее была какая-то жуткая шипящая Тьма, и страх схватил Волка за шкуру. Вой колдуньи вонзался ему в уши, точно осколки кости. От нее исходил запах Недышащего, а ее ужасное каменное лицо было совершенно неподвижным, и глаза казались черными дырами. Волк помнил, что в том сне он, увидев ее, угрожающе припал к земле, а она взяла да и сунула свою переднюю лапу в пасть Яркому Зверю, Который Больно Кусается... а потом

вытащила ее оттуда неповрежденной.

Когда Волк проснулся, Та, Что С Каменным Лицом уже исчезла. Но и сейчас, когда он уже шел по следу самца косули, пробираясь сквозь заросли кипрея, его не оставляла мысль: не по этой ли причине ушел куда-то Большой Брат? Не охотится ли он на эту, Что С Каменным Лицом?

Если это действительно так, то без Волка ему никак не обойтись. Но с другой стороны, как может он, Волк, отправиться с Тораком, если должен заботиться о волчатах?

И, пытаясь схватить зубами и разгрызть эту сложную загадку, Волк вдруг почуял некий очень плохой запах. Запах Той, С Каменным Лицом, а еще – запах яростного желания убивать. И запах филина.

Вся шерсть у Волка встала дыбом.

И, совершенно позабыв о самце косули, он кинулся в погоню.

Было то самое опасное время суток, когда дневной свет

сменяется вечерним; недаром сумерки лесные племена называют временем злых духов.

Рип и Рек уже довольно давно проявляли беспокойство, но Торак никак не мог понять причину этого. Возможно, им, как и ему самому, не хватало общества Ренн и Волка. Или, может, так на них действовали холод и странное безветрие?

Тораку захотелось есть, и он решил ненадолго остановиться на утесе над рекой. Развел костерок, сжевал ломтик вяленой конины. Берег и здесь был слишком крут, чтобы спускаться к реке, хотя Торак уже и так проделал в обратном направлении почти две трети ранее пройденного пути. Гордиться тут явно было нечем.

Он бросил несколько кусочков в папоротники для Рипа и Рек, но, к его удивлению, вороны, не обращая внимания на угощение, взлетели на верхушку сосны и дружно заорали: «Кра-кра-кра!» – что означало «вторгся чужак!».

Торак быстро огляделся, но никаких чужаков не обнаружил.

А Рип и Рек, возбужденно каркая, полетели прочь.

Когда у вас есть друзья-вороны, разумно прислушиваться к их предостережениям. Вытащив нож, Торак снова, более внимательно, осмотрелся.

И у подножия скалистого выступа, совсем рядом со своим костром, обнаружил помет филина. Кучка была довольно большая, с ладонь. Внимательно разглядывая помет, но не желая к нему прикасаться, Торак понял, что он состоит

в основном из свалывшейся шерсти и костей – по всей видимости, ласки и зайца. Ничего удивительного, что вороны улетели. Как и многие лесные обитатели, они тоже боялись огромного филина.

Торак представил себе, как этот хищник, держа в когтях пойманную добычу, подлетает к скале, садится на ее вершине и разрывает тушку пойманного зверька клювом и когтями, затем проглатывает, и комок полупереваренных отходов падает вниз, на камни.

Вскочив на ноги, он стал осматривать скалы наверху.

Казалось, только что он видел перед собой одну лишь пеструю поверхность гранитного утеса, но уже в следующее мгновение огромный филин, поставив торчком уши-кисточки, уставился на него круглыми глазищами и злобно зашипел.

Филин сидел так близко, что до него можно было дотронуться. На мгновение у Торака, казалось, даже сердце биться перестало, когда прямо перед ним возникли эти мощные когтистые лапы и жестокий изогнутый клюв. Встретившись взглядом с немигающими оранжевыми глазами хищника, он невольно отпрянул: зрачки этих страшных глаз были словно бездонные пропасти. И не было в них ничего, кроме страстной потребности убивать.

Филин пронзительно крикнул, распростер свои немислимые крылья и полетел прочь, заставив Торака присесть на корточки.

Глядя, как филин исчезает в Лесу, Торак чувствовал, что ладони его мокры от пота.

Он быстро загасил костер, собрал свои пожитки и двинулся дальше.

Но, пройдя совсем немного, обнаружил останки растерзанной лесной куницы. Филин ее даже есть не стал. Он убил куницу просто потому, что ему этого захотелось.

Неподалеку Торак нашел одно из маховых перьев филина с рыже-коричневыми и черными полосками. Перо было покрыто какой-то мерзкой серой пылью, от которой пахло падалью. Почти такое же перо он нашел и в тот день, когда Пожиратели Душ взяли в плен Волка...

И тут его словно ударило.

А ведь этот филин полетел на запад!

К Логову Волка!

К его волчатам!

Глава пятая

Путаясь в колючих зарослях, Торак с трудом пробивался к волчьему логову.

Он рубил спутанные ветки ножом, рвал их голыми руками, но все равно никак не мог увидеть, что там происходит. Зато все время слышал резкие крики воронов и рычание разъяренной волчицы. Темная Шерсть в одиночку защищала своих детенышей. А Волка не было; он все еще где-то охотился.

Наконец Тораку удалось прорваться сквозь путаницу ко-

любчих ветвей, и он почти сразу увидел, что Камешек, съевшись, притаился под кустом можжевельника на самом краю утеса. Его сестренку, Тень, Торак обнаружил чуть позже возле ясеня в дальнем углу площадки; она лежала неподвижно, бесформенной кучкой темной шерсти, а Рип и Рек пытались отогнать филина, который кружил над ней, явно намереваясь ее схватить. Торак увидел, как метнулась и подпрыгнула, защищая дочь, Темная Шерсть, и ринулся ей на помощь, выхватывая из-за пояса топор.

Филин, плавно качнув крыльями, неторопливо отлетел в сторону, обдав Торака мерзким запахом падали. Потом хищник вновь стал заходить, явно намереваясь нанести удар ему в лоб, и Торак яростно взмахнул рукой с зажатым в ней ножом, но филин все-таки успел его ударить, да так, что голова у юноши пошла кругом. Упав на колени, Торак все же успел заметить, что теперь филин, выставив когти, кружит прямо над тем местом, где спрятался Камешек.

Торак ладонью стер заливавшую глаза кровь и, с трудом поднявшись на ноги, бросился отгонять хищника, но Темная Шерсть опередила его, совершив отчаянный прыжок. К сожалению, филин ухитрился каким-то невероятным образом извернуться в воздухе, и зубы волчицы громко клацнули, поймав лишь пустоту. К ужасу Торака, Темная Шерсть приземлилась на самом краешке утеса и теперь, отчаянно скребя когтями по мерзлой земле, пыталась там удержаться. Но так и не смогла.

Торак видел, как она упала – рухнула прямо в реку, которая текла далеко вниз, и сразу же исчезла под водой. Потом, правда, вынырнула и попыталась выбраться на берег, яростно гребя лапами, но течение было слишком сильным, и ее опять утянуло под воду.

А филин тем временем предпринял новую атаку на можжевельный куст, под которым прятался Камешек. Вороны отважно держали оборону, и Торак, громко крича и размахивая топором, бросился им на помощь. Краем глаза он успел заметить, как из Леса стрелой вылетел Волк и, совершив мощный прыжок, почти настиг крылатого разбойника. Но филин, совершив несколько стремительных поворотов, ушел и от топора Торака, и от волчьих клыков. Однако его отнюдь не смутило оказанное сопротивление, и он снова вернулся на утес. Он много раз убивал прежде и был твердо намерен убивать и впредь.

Торак успел заметить, что Камешек, по-прежнему трясясь от страха, забился в самую гущу можжевельного куста. Если он не выскочит, то, вполне возможно, спасется. Но если его одолеет страх, то на открытой площадке...

Торак грозно пролаял волчонку: «Замри!» – и как раз в это мгновение мужество окончательно изменило малышу. Выскочив из своего убежища, он бросился к колючим зарослям, и филин, разумеется, тут же схватил его когтистыми лапами и взмыл в небо.

Торак, швырнув на землю топор, скинул с плеча лук, вы-

ташил из колчана стрелу, но пальцы были скользкими от крови, и ему никак не удавалось вложить стрелу в лук.

А филин с какой-то ужасающей скоростью уходил за гору, и несчастный Камешек безжизненно болтался у него в лапах. Затем, словно насмехаясь над Тораком и Волком, филин на большой высоте сделал над логовом круг, лениво по широкой дуге развернулся и полетел на юг.

Рип и Рек с пронзительными криками устремились следом за ним.

Волк сорвался с места и исчез за краем утеса.

А Торак стоял, покачиваясь, и тупо смотрел вслед своему названному брату. Волк, стремительно скатившись по скалам, мчался вдоль берега, тщетно пытаясь отыскать след своей подруги. Затем, так и не обнаружив следов Темной Шерсти, он пробежал над рекой по стволу рухнувшей сосны и скрылся на том берегу среди деревьев. Было ясно, что Волк ни за что не откажется от попыток спасти своего детеныша.

Глава шестая

Филин попросту издевался над Волком.

Раскачивая в воздухе волчонка, зажатого в когтистых лапах, он вернулся обратно, убедился, что Волк по-прежнему его преследует, и спокойно полетел дальше. Лапы Волка едва касались земли, так быстро он бежал, но поспеть за крылатым хищником не мог.

Огромными прыжками Волк взлетел на гребень холма, лавиной обрушился вниз по склону и стрелой пересек долину, где когда-то сам появился на свет. Когти его стучали по про-

мерзлой земле, по Твердому Белому Холоду, который еще недавно был Быстрой Водой.

Филин некоторое время летел так низко, что Волк слышал шуршание его крыльев. Потом он взмыл к вершинам деревьев и исчез из виду.

Волк бежал и бежал без усталости – так способны бежать только волки. Но в конце концов и ему пришлось остановиться. Ветер дул ему в хвост, так что уловить запах филина он не мог, а из-за деревьев не было видно, что творится наверху. Да и гневных криков воронов он что-то больше не слышал.

Волк шкурой чувствовал, что на этот раз филин назад не вернется.

И вдруг ощутил внутри какую-то ужасную пустоту.

Темная Шерсть погибла. Волчата тоже. Нет, этого просто не может быть!

Ведь волчата – это часть его самого. Да ему легче расстаться с собственной лапой, чем с ними! А с Темной Шерстью у них давно уже одно дыхание на двоих. Они и в Лесу охотились, как один волк. Как один волк, оба сразу чувствовали, кто из детенышей собирается отойти слишком далеко, а кто уже запутался в зарослях. И когда они вместе пели, их голоса, взмывая к небу, сливались в один.

Нет, это совершенно невозможно!

Волк поднял морду и завыл.

Торак, по-прежнему стоявший на коленях на краю утеса, услышал его вой. Какое одиночество, какое безграничное горе звучало в этом печальном вое!

И Торак понял: его брат Волк не сможет в одиночку пережить столь тяжкую утрату. Нужно непременно его найти и постараться хоть как-то успокоить.

Он решительно встал, и тут вдруг волчье логово и площадка перед ним закачались и стали бешено вращаться. Схватившись за лоб, Торак почувствовал на пальцах какую-то горячую влагу и увидел, что они в крови.

Мелькнула мысль: надо быстренько что-то предпринять, но он даже не попытался развязать свой мешочек с целебными снадобьями.

Когда головокружение немного уменьшилось, Торак огляделся. Снег на площадке перед логовом превратился в грязную кашу. Маленькая Тень лежала возле ясеня и будто спала. Крови видно не было. Должно быть, филин сперва поднял ее на большую высоту, а затем бросил оттуда на землю.

И удар оказался так силен, что она умерла мгновенно.

Опустившись на колени возле маленького тельца, Торак представил себе, как крошечные души волчонка тихо бродят вокруг, пытаясь найти отца, мать и брата. Ему очень хотелось помочь душам Тени, но вряд ли, думал он, у волков тоже есть какие-то посмертные ритуалы. Да и Метки Смерти они вряд ли друг другу наносят. Однажды он спросил об этом у Ренн, и она сказала, что волкам все это не нужно. Их уши и носы все чувят так остро, что и души их всегда остаются вместе и никогда не превращаются в злых духов. Так что Торак решил не наносить волчонку Метки Смерти, а вместо этого попросил хранителя всех волков прийти и забрать поскорее души маленькой Тени, прежде чем они успеют испугаться и разлететься в разные стороны.

Тело ее он перенес ближе к колючим зарослям и уложил на подстилку из листьев папоротника.

«Пусть малышка пока полежит тут, – думал он, – и пусть на нее смотрят с небес луна и звезды, а со временем, как и все живое в Лесу, она станет пищей для других лесных жителей».

Стемнело. Вокруг луны явственно виднелось кольцо, а значит, к утру станет еще холоднее. Торак понял, что сегодня ему Волка уже не найти. Придется переночевать здесь и пуститься в путь только на рассвете.

С трудом переставляя ноги, Торак собрал разбросанное оружие и прочие пожитки и разжег маленький костерок пе-

ред входом в шалаш, который покинул только этим утром. Потом он отыскал в своем мешочке с целебными травами немного сухих цветков тысячелистника, растер их и приложил к ране на лбу, а затем перевязал лоб куском оленьей шкуры – такую же повязку на лбу он носил, скрывая метку изгоя.

Резкий запах тысячелистника напомнил ему тот случай, когда он разбил себе голову, угодив в водопад, и Ренн лечила его рану. Ах, как же ему без нее сейчас было плохо! Он даже начал сомневаться, правильно ли поступил, когда покинул стойбище Воронов, не дождавшись Ренн. Тогда-то он был совершенно уверен, что должен действовать только в одиночку. Но что, если в этом и состоит хитрая уловка Эостры? Может быть, она как раз и хочет, чтобы Торак остался один? И самым жестоким образом добивается этого? А потому и послала своего филина охотиться на детенышей Волка, а его самого постаралась хитростью увести как можно дальше от Торака?

С юга снова донесся горестный волчий вой. Но Торак не завыл в ответ. Он понимал: единственный отклик, который Волк хочет сейчас услышать, – это голоса тех, кого он никогда больше услышать не сможет.

На рассвете Торак обнаружил более-менее сносный спуск на берег реки и то ли сполз, то ли скатился по крутому склону утеса.

След Волка вел к рухнувшей сосне и по ее стволу на тот берег реки, но Торак по этому следу не пошел. Сперва он направился вниз по течению, внимательно осматривая берег под нависавшими утесами. Возможно – возможно, – Темная Шерсть все-таки не погибла. Возможно, ей удалось где-нибудь выбраться на берег и теперь она лежит на камнях, вся израненная, но живая...

На снегу не было видно ни одного следа; в ямках похрустывал свежий, нетронутый ледок.

Затем по сосновому стволу Торак перебрался на другой берег реки и там тоже тщательно все осмотрел. И снова ничего. Темная Шерсть бесследно исчезла.

«Погибла, погибла!» – эхом откликнулся на его горестные мысли одинокий вой Волка.

Торак пошел по его следу. Когда наст бывает достаточно

плотным, волчьи лапы почти не оставляют следов; определить, что здесь прошел волк, можно только по весьма незаметным вещам – по случайно задетой ветке, с которой следел иней, или по чуть согнувшемуся листку папоротника, – но Торак, почти не задумываясь, определял, где именно прошел Волк. Его след вел на юг; сперва вверх по краю долины и через холм, а затем вниз, в следующую долину, точнее, ущелье, довольно каменистое, с крутыми отвесными склонами.

Торак сразу же узнал это ущелье – долину реки Быстрая Вода. Раньше, когда Торак был еще совсем маленьким, они с отцом часто здесь останавливались в начале лета, чтобы надрать липового лыка для изготовления веревок.

Теперь река была скована льдом, а когда он в последний раз побывал здесь – три лета назад, – она представляла собой прямо-таки бешеный поток. Торак хорошо помнил ту большую красную скалу, похожую на спящего зубра. Под ней он тогда нашел целую стаю утонувших волков, покрытых речным илом. А чуть позже еще одного волчонка, маленького, мокрого, дрожащего, но вполне живого...

Перебравшись через замерзшую реку, Торак стал карабкаться вверх.

И вдруг замер на месте.

Шагов на десять выше той, похожей на зубра, скалы он увидел чью-то стрелу, прикрученную обрывком ползучего растения к стволу березы. Стрела указывала на восток, в сторону Высоких Гор.

Затаив дыхание, Торак осторожно подошел ближе и внимательно изучил оперение стрелы, но прикоснуться к ней не решился. Эта стрела, несомненно, принадлежала его отцу.

И Тораку показалось, что отец в полный голос произнес те слова, которые уже несколько раз отчетливо звучали у него в ушах: «Помоги мне, Торак. Выпусти мою душу на свободу».

Возможно, Фин-Кединн был прав. Возможно, это Эостра воспользовалась отцовской стрелой. Но как мог Торак забыть тот горестный, обращенный к нему призыв, который слышал в ночи? Призыв заблудшей души, потерявшей свой дом и свой путь. Если это Эостра пытается заманить его, Торака, в свое горное логово, то ведь и покойный отец зовет его туда же.

И все же... если он прямо сейчас пойдет на восток, как указывает отцовская стрела, ему придется бросить Волка, попавшего в беду.

Торак стоял в нерешительности; руки его внутри рукавиц были стиснуты в кулаки. Что же ему делать – последовать за мертвым или искать живого? А как поступил бы на его месте Фин-Кединн?

И он понял, что сделал бы вождь племени Ворона.

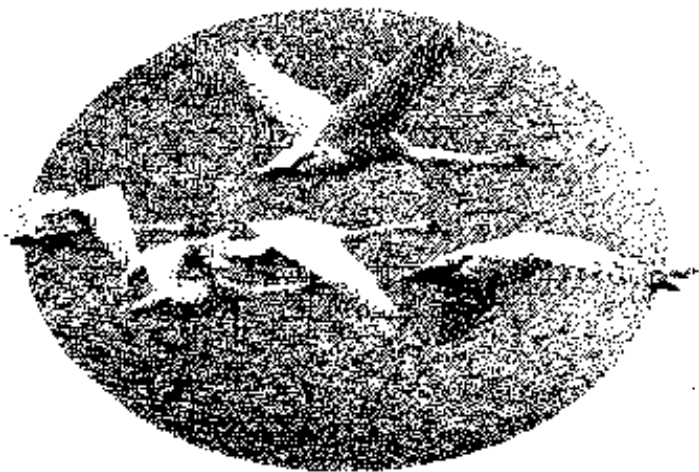
Повернувшись лицом к невидимым горам, Торак поднял голову и громко крикнул, обращаясь к Повелительнице Филинов:

– Ты пыталась разлучить меня с моим братом, но это тебе не удастся! Я никогда тебе этого не позволю!

И Торак, повернувшись спиной к отцовской стреле, снова двинулся на юг.

Он надеялся отыскать Волка.

Глава седьмая

Чем дальше на север уходил Фин-Кединн, тем холодней становилось вокруг.

Прошлой ночью вокруг луны он заметил кольцо, да и звезды мерцали как-то необычайно ярко, такое ему доводилось видеть нечасто. Значит, в скором времени жди метели. Племя Ворона наверняка остановилось на ночлег достаточно рано. Вот и он должен последовать примеру своих соплеменников.

Фин-Кединн миновал скалу Спотыкач близ стойбища племени Кабана и спустился в долину реки Стремительной.

Теперь он был менее чем в дне ходьбы от Извилистой Реки, где племя Ворона довольно долго простояло в те времена, когда на всех в Лесу наводил страх медведь, одержимый злыми духами. Фин-Кединн вспомнил тот день, когда Ренн и ее брат привели на стоянку двух пленников: волчонка, повизгивавшего в мешке из оленьей шкуры, и негодующего мальчишку...

Река Стремительная не замерзла и с гулким ревом неслась меж скованных льдом берегов, но в Лесу царила странная тишина. Лес словно ждал чего-то. И Фин-Кединн вдруг подумал о том, что за весь день он не видел ни одной птицы, если не считать нескольких последних одиноких лебедей в небе, летевших на юг.

И никого из людей он тоже не встретил. Мороз, видимо, убил тех отвратительных серых бабочек, но люди, пораженные странным недугом, вызывавшим у них ужас при виде собственной тени, по-прежнему опасались выходить из жилищ. Этот их страх передавался и всем остальным. В Лес люди осмеливались зайти только в том случае, если их вынуждал к этому голод.

Так что Фин-Кединн даже обрадовался, когда встретил небольшой отряд охотников из племени Гадюки; трое мужчин и мальчик спешили на запад, чтобы воссоединиться со своим племенем. Добыча у них была невелика – две белки да три лесных голубя, – но они все же заставили Фин-Кединна разделить ее с ними.

– Скоро метель начнется, – сказал один из охотников. – Одному в Лесу оставаться опасно. – Из уважения он не спросил, что вождь племени Ворона делает так далеко от своих соплеменников.

Фин-Кединн отклонил приглашение охотников пойти с ними, а на незаданный вопрос и вовсе внимания не обратил. Зато он сообщил охотникам, что лесные племена намерены зимовать все вместе.

– Мои люди уже вышли в путь; и племена Кабана я об этом сообщил, когда проходил мимо их стоянки, так что теперь и они, наверное, уже в пути; а Дюррайн послала весть об этом племенам, обитающим в Сердце Леса. Так что ступайте поскорее на свою стоянку и передайте вождю мои слова: если лесные племена объединятся, они сумеют выстоять даже против Эостры!

То, что Фин-Кединн осмелился вслух произнести ненавистное имя, явно придало охотникам храбрости; тот, что заговорил с ним первым, схватил его за плечо:

– Пойдем с нами, Фин-Кединн. Ты нам нужен. Ты не можешь оставить нас в такую трудную минуту.

– Руководить племенами могут и другие, – сказал Фин-Кединн. – А мне необходимо сперва отыскать того единственного, кто способен уничтожить Пожирательницу Душ. Ибо только он знает все потаенные горные тропы и темные подземные пещеры.

– Кто же это? И куда ты держишь путь?

– На север, – обронил в ответ Фин-Кединн.

И пошел дальше, не дожидаясь следующих вопросов. Он понимал, что время работает против него. А для того, чтобы отыскать того, кто был ему нужен, приходилось полагаться на знания, которые давным-давно уже устарели.

Но Фин-Кединн успел пройти совсем немного, когда его нагнал запыхавшийся мальчишка из племени Гадюки.

– Мой отец сказал, чтобы я отдал это тебе! – выпалил он, едва переводя дух, и протянул Фин-Кединну белку.

Тот поблагодарил мальчика и велел ему оставить зверька себе. Парнишка застенчиво на него глянул и спросил:

– А можно и мне пойти с тобой? Я хорошо знаю северные земли. Я непременно помогу тебе отыскать нужную тропу!

Вождь племени Ворона даже губу прикусил, чтобы не улыбнуться. Он охотился в этой части Леса задолго до того, как этот мальчик появился на свет.

На вид мальчишке было лет двенадцать; нескладные руки и ноги, умные живые глаза. Чем-то немного похож на Торака – того прежнего, три года назад.

– Говорят, ты странствовал дальше, чем кто-либо другой, – снова робко заговорил мальчик. – Бывал даже на Дальнем Севере, на Тюленьих островах и в Высоких Горах. Может быть, все-таки разрешишь мне пойти с тобой?

– Нет, – сказал Фин-Кединн. – Ступай назад. Тебя отец ждет.

Глядя вслед мальчику, медленно бредущему прочь, Фин-

Кединн вдруг испытал странную тревогу. Наст как-то странно, чересчур ломко хрустел под башмаками, и эхо этого хруста, разносясь по Лесу, казалось каким-то слишком громким и резким. И снег тоже выглядел необычно, явственно отливая зеленью.

Фин-Кединн крепче сжал свой посох. Ничего удивительного, что Лес так притих и насторожился.

– Скажи отцу, чтоб поспешил! – крикнул он мальчику в спину. – Вам нужно как можно скорей на стоянку вернуться!

Мальчик обернулся:

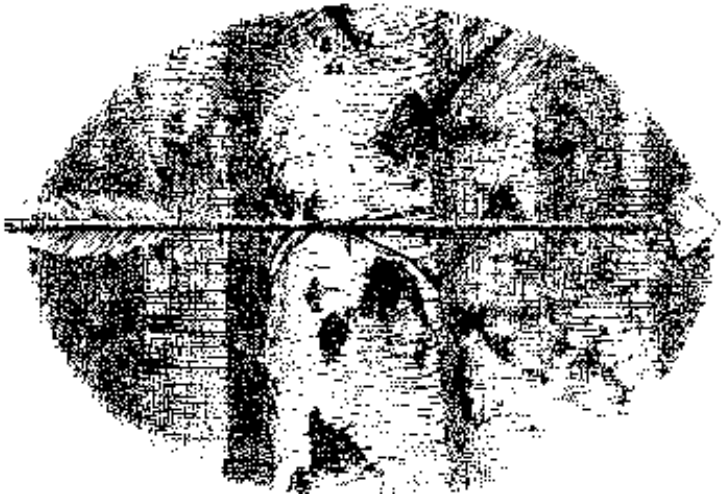
– Я знаю! Идет непогода!

– Нет! Ледяной дождь! Это гораздо страшней любой метели! Так и передай отцу! Ну, бегом!

Фин-Кединн убедился, что мальчик благополучно нагнал своих соплеменников, и стал подыскивать себе место для ночлега.

И, строя шалаш, неустанно молил Всемирного Духа, чтобы Торак и Ренн, где бы они сейчас ни были, тоже успели вовремя заметить признаки надвигавшегося ненастья и спрятаться в укрытие.

Глава восьмая

Стоило Ренн проснуться, и дурные предчувствия вновь охватили ее душу.

Было холодно. Слишком холодно. Снег вряд ли пойдет. Прошлой ночью вокруг луны было кольцо. Танугеак, колдунья из племени Песца, объясняла ей, что это кольцо означает грядущую непогоду.

«Видишь, – говорила Танугеак, – луна глубже натягивает капюшон своей парки, пряча лицо в меховой оторочке».

Но что еще хуже – Ренн слышала, как ночью горестно выл Волк. Она никогда раньше не слышала, чтобы он так выл.

Речка Прыжок Лошади начинала замерзать, и на мелководье уже образовалась хрупкая бледно-зеленая корка льда. На одном из впадавших в реку ручьев Ренн обнаружила расколотый лед и отпечаток лапы, а чуть дальше – следы башмаков, совершенно точно принадлежавших Тораку. Это ее озадачило. Интересно, почему Торак сперва шел вниз по течению, а потом вернулся?

Вскоре Ренн вышла к тому утесу над рекой, где находилось логово Волка, и, задрав голову, стала осматривать утес. Она даже повыла немного, но никто из волков ей не ответил, никто даже не выглянул за край утеса. Ренн решила, что волки, должно быть, ушли в Лес и взяли с собой волчат. Однако тревога в ее душе все усиливалась.

Она, правда, немного повеселела, когда нашла ту упавшую сосну, по стволу которой Торак переправился через реку. Тут его следы были куда более отчетливыми и явно совсем свежими, и двигался он своим обычным широким шагом, а значит, с ним наверняка все было в порядке и, следовательно, Волк ночью выл так печально не из-за него.

Ренн шла по следу Торака до самого устья реки Быстрая Вода. Она не очень хорошо знала эти места, разве что по описаниям Торака: он не раз рассказывал ей, что как раз там впервые встретился с Волком. Но, поднимаясь от реки, примерно на середине склона холма Ренн заметила стрелу, привязанную к березе и указывавшую на восток. Это ее несколько смутило. Наверное, стрелу оставил Торак, думала Ренн,

чтобы она знала, в каком направлении идти. Но если это действительно так, если он хочет, чтобы она его нагнала, то почему бы просто не подождать ее?

Она и сама не очень понимала, почему поступает именно так, но прошла мимо указывавшей на восток стрелы и даже осматривать ее не стала. Она быстро продвигалась в прежнем направлении, но, к своему глубокому разочарованию, больше следов Торака не обнаружила. В эту сторону он явно не пошел.

Ренн вернулась к той березе, где была привязана стрела, да так и замерла на месте. Стрелу кто-то привязал стеблем черного паслена, смертельно опасной травы, которой особенно любят «пользоваться» Пожиратели Душ – и более других Сешру, мать Ренн. Торака никогда бы эту траву и в руки не взял. Значит, этот знак оставил не он. Да и стрела, похоже, не его.

Порывом ветра у Ренн сорвало с головы капюшон парки; по спине сразу пробежал леденящий озноб. Этот ветер успел подняться, пока она искала след Торака. Взглянув на угрожающе потемневшее небо, Ренн поняла, что надвигается метель. Значит, надо немедленно прямо здесь строить шалаш и переждать непогоду. Нет, нельзя! Ведь тогда она еще больше отстанет от Торака!

И Ренн, с трудом сопротивляясь все усиливавшейся тревоге, решила на время забыть об осторожности и обо всем, что успела узнать за свою недолгую жизнь, и продолжить по-

иски своего друга.

Несмотря на разбушевавшийся ветер, ей вскоре действительно удалось отыскать след Торака; по этому следу она спустилась по склону холма в долину и там ненадолго остановилась под огромным настороженным падубом, чтобы перевести дыхание. Однако ее не покидало ощущение того, что она все-таки поступает неправильно. Полдень только что миновал, а вокруг уже как-то странно потемнело, точно наступали сумерки. И снег приобрел странный зеленоватый оттенок. И за весь день Ренн не встретила в Лесу ни одного живого существа.

Будь рядом с ней Фин-Кединн, он давно бы уже велел ей остановиться и готовиться к ночлегу. «Первое правило того, кто хочет выжить, – сказал он ей как-то, – это ни в коем случае не затягивать строительство убежища до той минуты, когда будет уже поздно его строить».

А здесь, кстати, было очень даже неплохое место для ночлега. Вот на этой полоске ровной земли под падубом вполне можно устроить шалаш; хотя до реки, пожалуй, и далековато.

Ренн задумчиво покусала губу. Потом крикнула:

– Торак! – Он, разумеется, не отозвался, но она крикнула снова: – Торак!

И сердито швырнула на землю свои пожитки. Ну почему, почему он ушел без нее? И почему она так и не смогла его догнать?

Только теперь, когда Ренн наконец решила остановиться и построить шалаш, она поняла, как мало времени у нее осталось.

«Ничего, Ренн! Ты же знаешь, что и как нужно делать! – сказала она себе. – Сперва костер. Разожги его прямо сейчас, пока еще не слишком устала от рубки веток, а возле него потом построишь шалаш. Трутница полна, парка у тебя теплая, и приличный запас сушеных шампиньонов заботливо завернут в бересту, так что можно особо не беспокоиться о растопке – достаточно будет высечь кремнем хоть одну искру».

Все это, конечно, оказалось весьма кстати. Деревья уже стонали от порывов злущего ветра, который старался сорвать с Ренн одежду, пытался побольнее хлестнуть ее ветками по лицу. Этот противный ветер явно хотел, чтобы она потерпела неудачу.

Стиснув зубы, Ренн разожгла костер и вытащила из-за пояса топор.

«Теперь шалаш. Ничего, всего-то и нужно наклонить молодые деревца да связать их гибкими ивовыми прутьями, а наверху оставить отверстие, чтобы дым выходил. Шалаш должен получиться длинным и низеньким, чтобы выдержать натиск ветра; верхушки деревьев придется, пожалуй, срезать, иначе этот ветер весь ее шалаш мигом разнесет. Ох, простите, древесные духи, вам лучше сразу поискать себе новые дома! Так, теперь боковины закроем широкими еловыми лапами, дырки заткнем папоротником, а сверху для

прочности положим еще несколько стволов молодых деревьев...»

Несмотря на мороз и ветер, Ренн так вспотела, что пот стекал по телу ручейками. Ей еще многое нужно было успеть сделать, а деревья над головой уже всюю трещали и скрипели. Казалось, и они тоже чем-то напуганы.

Стараясь держаться спиной к пронизывающему ветру, Ренн сделала для своего убежища нечто вроде грубой дверцы-заслонки из веток ели и орешника и заползла внутрь, предварительно затащив туда изрядный запас топлива и целую кучу еловых ветвей для постели. Шалаш тут же наполнился дымом; дым стлался по земле, словно тоже боялся вылезти наружу через отверстие, оставленное в кровле. Мучительно кашляя, Ренн закрыла входное отверстие, и через некоторое время дым все же стал понемногу улетучиваться. Дышать стало легче.

Ренн успела построить довольно большой шалаш, в нем вполне хватило бы места и Тораку – если бы он вдруг вернулся и ему тоже понадобилось убежище. Только теперь, переделав все дела, она поняла, что заблуждалась: Торак не вернется, он давно уже ушел вперед.

«Вода!» Она произнесла это слово вслух, пытаясь разогнать свои страхи. Но река была слишком далеко. Ничего, придется растопить снег. Стащив через голову парку, Ренн сняла с себя нижнюю куртку и затянула потуже шнурки в рукавах и у горловины, так что куртка превратилась в некое

подобие бурдюка. Парку она снова быстренько надела на себя и выползла наружу, прямо в жестокую пасть бури.

Ветер швырял в нее сломанные ветки и больно хлестал по лицу ледяными иглами. Ренн доверху набила снегом свой «бурдюк» и заползла обратно в шалаш. С помощью запасной тетивы она подвесила «бурдюк» к самому толстому из пригнутых ею к земле стволов, на котором, собственно, и удерживался весь шалаш, а под него подставила наскоро свернутый из бересты сосуд, чтобы туда стекали капли растаявшего снега.

Ветер прямо-таки визжал снаружи. Шалаш содрогался под его порывами. Ренн услышала, как Всемирный Дух, раздвинув тучи, швырнул вниз горсть града; градины громко застучали по крыше шалаша. Ренн съежилась, поджав колени к груди и шепотом умоляя Великого Духа пощадить Торака и Волка.

На крышу шалаша вдруг рухнуло что-то тяжелое.

Ренн испуганно вскочила. Похоже, это не просто ветка дерева.

Натянув капюшон, она отодвинула входную заслонку и выглянула наружу.

Град ударил ей прямо в лицо.

Вот только это был вовсе не град, это был ледяной дождь – дождь, который еще на лету превращался в лед, моментально покрывая плотной коркой все, к чему прикасался.

Пытаясь хоть как-то уберечь лицо от жалящих капель,

Ренн увидела, что этот ледяной дождь как бы сковывает тяжелым панцирем ветки деревьев и кустов, стволы и корни. Многие деревья уже успели согнуться почти до самой земли, и даже на парке Ренн моментально образовалась ледяная корка.

Она ощупью, не снимая рукавиц, стала искать то, что с таким шумом упало на крышу ее шалаша. И вскоре нащупала какой-то обледенелый комок, явно не похожий на ветку. Она подтащила комок к себе.

И из него донеслось хриплое карканье.

Крылья Рек и все ее тело были покрыты льдом, но как только Ренн втащила птицу внутрь шалаша и слегка ее отряхнула, от перьев тут же повалил пар.

Дрожа от пережитого страха, ворониха свернулась клубком на коленях у Ренн. И Ренн, глядя в темные глаза птицы, видела или, точнее, чувала в них не просто страх перед надвигающейся бурей. Но откуда здесь взялась Рек? Почему

она одна? Где она побывала? И где сейчас Торак?

Небеса расколола яркая вспышка молнии, раздался оглушительный раскат грома. Казалось, весь Лес взревел; такого Ренн не слышала еще никогда в жизни. С громким треском ломались деревья, то и дело слышались глухие удары падавших стволов.

И вдруг Ренн совершенно отчетливо услышала в реве бури чей-то голос. И напряженно прислушалась. Неужели это Торак? Может ли быть такое? Неужели это он зовет ее по имени, пытаясь перекричать вой ветра?

Но вылезти сейчас наружу было попросту невозможно. Нет, это безумие...

И все же... вдруг Тораку нужна ее помощь?

Ренн выхватила из костра горящую ветку.

Яростный штормовой ветер сбивал с ног. Лес пытался выстоять, сопротивляясь атаке чудовищной ледяной бури. Деревья раскачивались, тщетно пытаясь сбросить ледяной панцирь, становившийся все толще. Ветки ломались под его тяжестью. Совсем рядом с шалашом рухнула, треснув, как щепка для растопки, большая сосна. И даже ветви огромного падуба склонились так низко, что казалось, ствол дерева вот-вот разломится пополам.

– Торак! – пронзительно крикнула Ренн. Но ледяной ветер сорвал с губ его имя и унес прочь, точно сухой листок. – Торак!

Нет, звать его было безнадежно.

Вспыхнула молния, и из кроны падуба на Ренн вдруг глянуло чье-то лицо. Обледеневшие волосы. Глаза, полные злобной угрозы.

Ренн невольно вскрикнула.

Загрохотал гром.

Токорот спрыгнул с ветки и тут же исчез в темноте.

Падуб застонал и все-таки сломался.

Ренн попыталась отскочить, но немного не успела, и одна из крупных ветвей рухнула ей на ногу, прямо-таки прищиплив ее к земле.

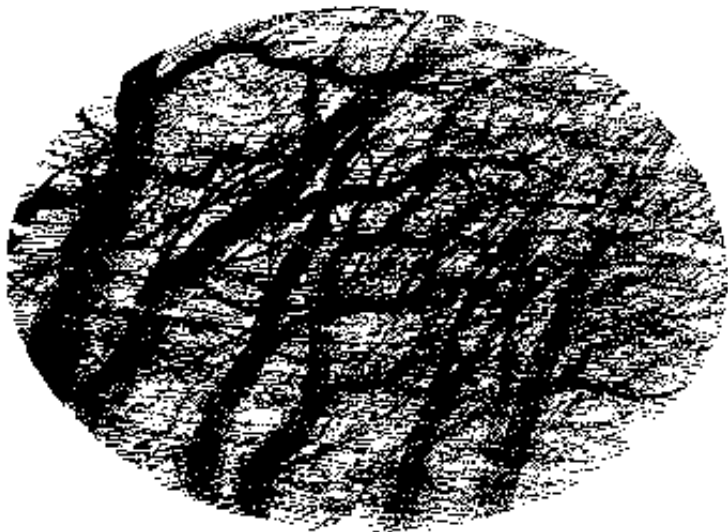
Ренн сопротивлялась изо всех сил, но дерево держало крепко. А топор свой она оставила в шалаше. Она попробовала перерубить ветку ножом, но замерзшая древесина оказалась твердой, как гранит, и лезвие попросту отскакивало от нее. Тогда Ренн попыталась подкопать землю под придавленной ногой, но земля тоже была твердой как камень, и лихорадочные усилия девушки ни к чему не привели.

А ледяная корка на одежде становилась все толще; она клонила Ренн к земле, высасывая из ее тела тепло и жизнь.

– Торак! – отчаянно закричала Ренн. – Волк!

Ветер резко, точно хлыстом, ударил ее по губам и унес эти слова куда-то в ночь.

Глава девятая

Склон холма ниже того места, где находился Торак, являл собой непроходимый завал из стволов и веток упавших деревьев, принесенных течением.

Он столько времени потратил напрасно, пытаясь найти хоть какие-то следы своего брата Волка, а теперь даже вниз спуститься не мог. Ясное дело, сам-то Волк легко перебрался через эту преграду, а вот если он, Торак, попробует это сделать, то, пожалуй, может и погибнуть под грудой гнилых стволов и ветвей.

«Вот дурак!» – выругал он себя.

Некоторое время назад он прошел мимо отличного места для ночлега – это был удобный, ровный участок земли под развесистым падубом, – но ему так хотелось поскорее отыскать Волка, что он решил не останавливаться. Самое странное – он ведь прекрасно понимал, что совершает ошибку, но все-таки совершил ее!

Ветер срывал с него капюшон, сверху сыпались сломанные ветки. Деревья предупреждающе ревели: «В укрытие! Скорее!»

Вдруг на плечо ему рухнул Рип и так в него вцепился, что Торак чуть не упал.

Рип громко каркнул. Выглядел он измученным и каким-то ужасно грязным. И Торак вдруг подумал: а как долго Рип и Рек преследовали того филина?

Ворон вдруг сорвался с его плеча и полетел куда-то вверх по склону холма.

Но ведь именно оттуда Торак и пришел. Может быть, Рип хочет, чтобы он вернулся к своей прежней стоянке, пока еще есть время?

«Кра-кра! Следуй за мной!»

И Торак последовал за ним.

Свет вокруг стал каким-то странно тусклым, так что почти ничего не было видно. С трудом продираясь сквозь подлесок, Торак следил лишь за белым пером в крыле Рипа. А потом вдруг пошел этот град.

Да нет, не град! Это был самый настоящий ледяной дождь! Капли, падавшие с небес, мгновенно замерзали на лету.

«Ничего себе!» – с тревогой подумал Торак.

Согнувшись чуть ли не до земли, он с трудом взбирался по склону, но уже понимал, что дальше идти не сможет. Нужно было немедленно найти хоть какое-то укрытие: ямку, валун – и переждать непогоду.

Он бы прошел мимо этого шалаша, если бы не Рип, который уселся на крышу жалкого, почти распластанного по земле убежища.

Шалаш? Торак не верил собственным глазам. Он узнал тот ровный участок земли, хотя сейчас он и выглядел совершенно иначе, и тот падуб, который был теперь расколот надвое. Но ведь здесь только что не было никакого шалаша! Он был совершенно в этом уверен!

При вспышке молнии Торак увидел нечто вроде дверной заслонки, подпертой для прочности камнем. Отодвинув ее, он сунул внутрь Рипа и следом заполз сам.

Когда он закрыл входное отверстие, взвизгивания ветра стали вроде бы немного тише, но грохот ледяных капель по стенкам шалаша по-прежнему был оглушительным. В шалаше никого не было, но, судя по не потухшему еще костру, тот, кто разжег здесь огонь, не мог уйти далеко.

И эти люди знали, что делали. Когда Торак стряхнул со своей одежды ледяную корку, он увидел, что костер разведен

на подложке из хвороста, отделявшей его от замерзшей земли, а по кругу обложен камнями, чтобы огонь не расползлся и не поджег шалаш. Топливо лежало по одну сторону от огня, а по другую, но не слишком близко, были подвешены на просушку лук и колчан со стрелами. Из нижней, нательной, куртки был сделан бурдюк для таяния снега, и из него капала талая вода, собираясь в наскоро скрученном из бересты сосуде, который был уже наполовину заполнен.

Рип тем временем принялся клевать спальный мешок. Мешок шевельнулся. И оттуда выглянула Рек. Вороны нежно приветствовали друг друга гортанным воркованием и касанием клювами. У Торака екнуло сердце. Откуда здесь Рек?

А этот лук? И знакомая куртка?

Ренн!

Это же ее шалаш! Ее лук и ее стрелы! Вон там она раскрыла для Рек лепешку из лосося. И, хорошо зная вороватый характер воронихи, на всякий случай прижала топором мешок с провизией, чтобы Рек туда не залезла.

А этот лук? И знакомая куртка?

Но она оставила здесь все свои вещи и оружие, значит далеко уйти она никак не могла.

По спине Торака пробежал неприятный холодок. Зимой в метель можно отойти совсем недалеко от жилища, и этого будет вполне достаточно, чтобы погибнуть. У каждого племени есть немало историй о том, как люди теряли дорогу в снежной круговерти, а потом их окоченевшие трупы находи-

ли в нескольких шагах от стоянки.

Рядом с охапкой топлива Ренн воткнула несколько палок – видимо, чтобы использовать их в качестве факелов. Торак сунул один из них в красные угли костра, поджег и, оставив в шалаше обоих воронов и все свои пожитки, с топором в руках прямо-таки заставил себя выползти наружу, под удары ветра и ледяного дождя.

– Ренн! – громко звал он, понимая, что она может находиться совсем рядом, но все равно его не услышит.

Ветер яростно швырял в Торака сломанные ветки, словно поняв, кого он ищет. Сгибаясь пополам, чтобы как-то сопротивляться порывам ветра, Торак обошел шалаш кругом. Факел, разумеется, тут же погас, и вряд ли можно было хоть что-то разглядеть даже на расстоянии пары шагов.

Торак сделал еще круг, чуть расширив территорию поиска. И снова ничего.

Когда он совершал третий заход, сверкнула молния, и в гуще ветвей сломанного падуба вроде бы мелькнуло что-то красное.

Торак упал на колени, изо всех сил раздвигая и ломая обледенелые ветки.

– Ренн!

Глава десятая

Она, похоже, уже не дышала. Глаза ее были закрыты, губы посинели. И лишь когда Торак с трудом втащил девушку в шалаш и прижал пальцы к ее шее под самым ухом, он сумел уловить в ее теле слабое биение жизни.

Он снова громко позвал ее по имени. Она не ответила. Страшный холод загнал жизнь в самые глубины ее тела. И этот холод убьет ее, если он, Торак, не сумеет быстро ее согреть.

Одежда Ренн все еще была покрыта жесткой ледяной кор-

кой. Торак сташил с нее парку, затем сорвал с себя и парку, и нижнюю куртку из тонкой птичьей шкурки, еще хранившую тепло его тела, и быстро натянул эту куртку на Ренн. Затем он снял с нее верхние штаны и побыстрее засунул ее в спальный мешок, после чего принялся проверять, нет ли у нее на лице и руках следов обморожения. К счастью, ничего страшного он не обнаружил.

Потом он палкой выкатил из цепочки камней, окаймлявших костер, один горячий камень и, завернув его в свой пустой бурдюк для воды, сунул этот теплый сверток внутрь спального мешка, прямо на живот Ренн. Затем он проворно раскатал свой спальный мешок и старательно закутал им Ренн, а предварительно еще и спину ей растер. Больше всего на свете ему сейчас хотелось, чтобы она очнулась.

Наконец веки Ренн затрепетали. Она открыла глаза, посмотрела на Торака, но, похоже, не узнала его.

Выкатив из костра еще один горячий камень, Торак бросил его в талую воду. Над водой с шипением поднялись клубы пара. А Торак, отыскав в своем мешочке с целебными снадобьями и травами сушеную таволгу, бросил щепотку в горячую воду, немного выждал и отлил немного исходящей паром жидкости в плоскую чашу. Затем приподнял голову Ренн и влил несколько капель ей в рот. Она закашлялась, но проглотила. Торак заставил ее выпить еще немного теплого настоя и почувствовал, что ее стала бить дрожь. Только теперь он смог вздохнуть с облегчением: дрожь – это хорошо.

Шалаш был низенький, да его еще и придавило сверху ветвями сломанного падуба, так что сидеть Тораку приходилось, согнувшись в три погибели, пока он поил Ренн настоем таволги, бережно поддерживая ее за плечи. Постепенно щеки девушки чуть порозовели, а губы утратили тот злобещий синеватый оттенок. И теперь, глядя на Торака, она уже явно понимала, кто перед нею.

– Ты скоро поправишься, – сказал ей Торак. Ему и самому хотелось это услышать, чтобы действительно поверить в то, что она поправится.

Ее глаза остановились на его перевязанной голове.

– Ты меня нашел... – пробормотала она.

– А ты шалаш построила. И Рип меня к нему привел.

Услышав свое имя, ворон вытянул шею и горделиво распушил перья на груди.

Торак старательно счистил лед со своей парки и с парки Ренн; потом ее парку он выложил у самого огня, чтоб немного подсохла, а свою сразу надел прямо на голое тело. Это оказалось не слишком приятно – парка совершенно заледенела и была еще влажная изнутри, – но свою нательную рубаху из птичьей кожи он отдал Ренн.

Потом Торак достал и разделил несколько лепешек из лосося, а Ренн угостила каждого из воронов и торжественно поблагодарила Рипа за то, что он привел к ней Торака. Ела она уже сидя и лепешку свою держала обеими руками, точно белка орех. Рукава нательной куртки Торака болтались у нее

на запястьях, лицо покраснелось, высохшие волосы торчали в разные стороны, точно щупальца какой-то разъяренной морской твари. Торак смотрел на нее и думал, что уже от одного ее присутствия ему становится теплее.

Костер тем временем почти погас, и Торак торопливо подбросил в него еще топлива. А снаружи продолжала бушевать ледяная буря, терзая Лес. Представив себе, что сейчас творится вокруг, Торак почувствовал, как по спине у него поползли мурашки: этот ветер и ледяной дождь вполне могли убить Ренн! Они и так чуть ее не убили!

Когда он сказал, что очень жалеет о своем поступке, что зря он ее оставил, а сам ушел, она как-то странно на него посмотрела и долго-долго молчала. А потом стала рассказывать, что случилось после его ухода: о том странном недуге, который заставлял людей бояться собственной тени, о намерении Фин-Кединна куда-то в одиночку отправиться и о его нежелании что-либо ей объяснить. А Торак, которому тоже невмоготу было молчать, поведал Ренн о нападении филина и о гибели Темной Шерсти и волчат.

Ренн слушала молча; она явно была потрясена.

– И все трое погибли? – наконец промолвила она.

Торак кивнул.

– Не знаю, как Волк сумеет это пережить.

– Все трое... – тихо повторила Ренн.

Но она не зря была племянницей Фин-Кединна: Торак видел, что она уже пытается понять, что же все это значит.

– А тот филин... – Она задумчиво посмотрела на Торак. – С ним ведь наверняка что-то не так!

– Да, я видел его глаза. Совершенно пустые...

– Ага, значит, это не злой дух.

– Нет, вряд ли.

– Интересно, что Эостра с ним такое сделала? – Ренн говорила заинтересованно, словно колдунья, пытающаяся понять, в чем заключается хитрость ее более опытной товарки. Торак просто восхищен был тем, как быстро она пришла в себя. – Ты говорил, он полетел на юг? – спросила она.

– Да. И Камешка с собой унес – для того, по-моему, чтобы Волка за собой сманить. Волк, я думаю, как раз под эту бурю и угодил. Если вообще жив остался...

Ренн внимательно на него посмотрела. Теперь она снова стала прежней, от колдуньи в ней не осталось и следа.

– Он жив, – твердо сказала она. – Волк сумеет о себе позаботиться.

Торак не ответил. В ушах у него звучал горестный вой Волка. Похоже, Волку теперь все равно, останется он жив или погибнет.

И Тораку, скорчившемуся в темном шалаше над слабо мерцающим костерком, вдруг послышался в реве ветра и стуке ледяного дождя чей-то дикий хохот.

– Ох уж эта буря! – проворчал он. – Наверняка ее Эостра наслала. Тебе не кажется?

Темные, как у ворона, глаза Ренн гневно блеснули.

– Неужели она весь Лес ледяными оковами сковать решила?

Оба помолчали, слушая, как с треском ломаются деревья под тяжестью налипшего льда.

– После того как ты ушел, – сказала Ренн, – она посылала нам знаки.

– Я, по-моему, видел один. Похожий на остроконечный зигзаг или на птицу. Вырубленный в стволе тиса.

Ренн молчала, и Торак почувствовал: она пытается решить, что можно ему сказать, а о чем лучше умолчать.

– Этот знак, – тихо сказала она, – означает, что Эостра устроила свое логово на Горе Духов.

Гора Духов. Торак никогда о ней не слышал, но от одного названия у него все похолодело внутри.

– Фин-Кединн говорил мне, что эта Гора священна для всех горных племен, – продолжала Ренн. – Он считает, что если бы мы сумели эти племена отыскать, то они, возможно, помогли бы нам выйти к этой горе.

Торак слушал ее как бы вполуха; он размышлял о том, что в этой горе наверняка есть пещеры. И от этой мысли ему стало совсем не по себе. Дважды он решался зайти вглубь горной пещеры: однажды еще в детстве, когда для победы над тем медведем ему нужно было найти каменный зуб, а во второй раз – на Далеком Севере, чтобы спасти Волка. И оба раза Ходец предупреждал его: «Стоит тебе туда войти, и целым ты уже никогда не будешь». Торак понимал, что Ходец,

конечно, безумен, но все же порой проявлял редкое здравомыслие. И его предупреждения были отнюдь не безосновательны. И Торак вдруг отчетливо понял: если он по-прежнему не будет обращать внимание на предостережения Ходца – если снова решится войти в пещеру, – то челюсти земли сомкнутся навсегда, и тогда ему из этой пещеры уже не выбраться.

Услышав, что Ренн громко окликает его, он с трудом заставил себя прогнать эти мысли и вернуться к действительности.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– Да, конечно, – солгал он.

Она взяла его за руку. Пальцы у нее были тонкие и теплые. Торак чувствовал, как из них в его тело и душу перетекает некая сила.

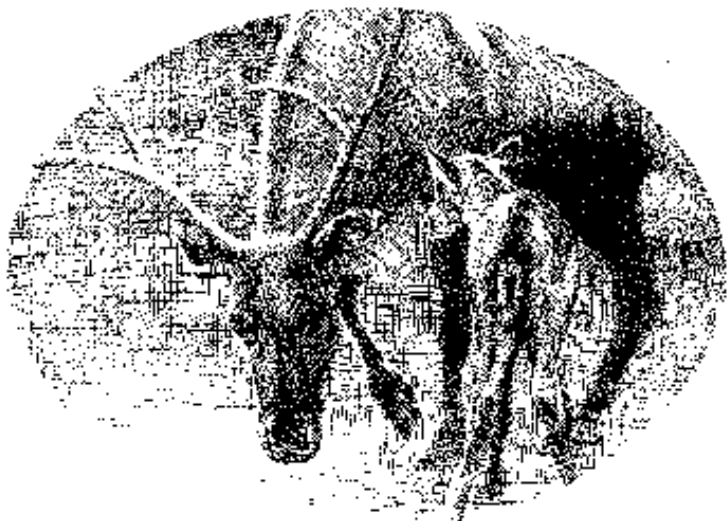
– Торак, – сказала Ренн, – я не знаю, что Эостра собирается делать на этой горе, но одно мне совершенно ясно: она намерена во что бы то ни стало нас разделить, разлучить тебя со мной и с Волком. Ей нужно, чтобы ты остался в одиночестве, ибо только так она сможет заполучить твою блуждающую душу. Но ей это не удастся!

И они еще долго сидели бок о бок у огня, а ледяная буря яростно сражалась с истерзанным Лесом. Потом Ренн уснула, но Торак продолжал бодрствовать. Пока что они с Ренн были в безопасности. А Волк? Тораку казалось, что связь между ним и Волком подобна тонкой хрупкой нити, протя-

нувшейся в ночи, и ледяные пальцы Эостры уже тянутся, чтобы схватить эту тонкую нить и порвать ее.

Глава одиннадцатая

Ясный Жестокий Холод наступал на Лес, стремясь его уничтожить. Холод сокрушал деревья и заставлял птиц камнем падать на землю. Холод набрасывался на Волка, запуская ему под шерсть свои страшные ледяные когти.

Ну и пусть. Теперь ему все равно, что с ним станется.

Сперва он долго, бесконечно долго бежал, вынюхивая след того филина и надеясь услышать хотя бы самое тихое попискивание своего детеныша. Но так ничего и не услышал. А теперь все его надежды отыскать нужный след уничтожил

этот Ясный Жестокий Холод.

Волк поднялся на вершину холма. Сосны так и ревели во-круг; под большим валуном пряталось чье-то небольшое Ло-гово. Даже не остановившись, даже не приняввшись, нет ли поблизости медведя, Волк нырнул в это Логово и обнаружил там лишь грудку разгрызенных костей и старый помет.

Он понимал, что Большой Бесхвостый наверняка ищет его, но даже мысль о Бесхвостом не могла поднять ему на-строение. Темная Шерсть и волчата погибли. Больше всего на свете Волку хотелось, чтобы они к нему вернулись, но они теперь превратились в Недышащих. А он никак не мог при-мириться с тем, что это возможно. Что Темной Шерсти и волчат... больше нет.

Волк закрыл глаза. Ему тоже хотелось больше не быть.

Торака разбудила тишина.

Он совсем замерз – костер почти потух, а шалаш еще сильнее просел, так что крыша почти касалась самого Тора-

ка. Собственное дыхание в этой застывшей от холода тишине показалось ему очень громким; каждый выдох инеем оседал у него на лице.

Дверная заслонка намертво примерзла. Торак стал прорубать выход топором и, разумеется, разбудил Ренн; она испуганно села и, прежде чем он успел предупредить ее, стукнулась лбом об осевшую крышу шалаша.

Обхватив себя покрепче руками и лязгая зубами от холода, Торак выполз наружу – навстречу яркому сиянию закованного в ледяной панцирь Леса.

Проклятая буря поломала немало деревьев, превратив острые обломки в сверкающие ледяные копья. Она уничтожила целые рощи, и теперь они казались причудливыми нагромождениями обледенелого хвороста. Деревья, ветви, листья – все было прочно заперто в ледяной тюрьме, созданной ненавистой Эострой.

Торак медленно выпрямился и сделал несколько шагов. Лед под башмаками был твердый как камень. Холод обжигал легкие, в носу нестерпимо щипало. Все вокруг сверкало и так слепило глаза, что казалось, в мозг вонзаются острые ножи. Куда ни повернись, всюду обломанные, изувеченные деревья вспыхивали тысячами ледяных искр. И невозможно было не признать, что этот истерзанный Лес обладает странной, поистине ужасной красотой.

– Ты чувствуешь их души? – услышал Торак голос Ренн и молча кивнул.

В воздухе корчились тысячи душ погибших деревьев, тщетно искавших новые убежища.

– Они не могут войти в молодые деревца, – сказала Ренн. – Им ледяная корка не дает.

– И что же им делать?

– Не знаю. Будем надеяться, что скоро начнется оттепель.

Но Торак совсем не был в этом уверен. Какая там оттепель! Мертвенный безветренный холод воцарился над землей. И это, несомненно, было делом рук Эостры.

Заслонив глаза ладонью, Торак заметил внизу на склоне холма маленького олененка. Он скользил на своих неустойчивых ножках, испуганный видом этого нового мира и этим предательским льдом, а его мать, изголодавшись, все пыталась добыть мох и долбила лед острыми передними копытами. Но пробиться не могла.

Торак подумал о леммингах, оказавшихся в ловушке подо льдом; о бобрах, запертых в своих подводных домах.

И еще он подумал о Волке.

Рип и Рек вылетели из шалаша и устроились на ветке поблизости, осыпая с нее звенящие ледяные осколки. И этому звону долго еще вторило лесное эхо.

Вдруг Ренн громко окликнула Торака, и ее голос показался ему странно пронзительным от звучащей в нем тревоги.

Она стояла на четвереньках в десяти шагах от него возле валуна и вглядывалась в путаницу колючих ветвей, которые к этому валуну прибило ветром. Торак подошел ближе, и она

нервно воскликнула:

– Погоди! Не смотри...

Он отодвинул ее плечом. Среди ветвей виднелся клочок серо-черной шерсти. Шерсти Волка.

Ренн потянула Торака за руку. Он вырвался и стал яростно, голыми руками разгребать завал, стремясь добраться до того, что там лежало, покрытое ледяной корой.

Ренн, угрем нырнув в колючие заросли, опередила его.

Тораку показалось, что весь его мир съехался до размеров серой шкурки, лежавшей под скалой.

И тут он услышал голос Ренн, доносившийся словно издалека:

– Это не Волк, Торак. Это не Волк!

Осторожно пятясь назад, она вылезла из норы, сжимая в рукавице кусок волчьей шкуры.

Это была полоска шириной примерно с ладонь, скатанная в трубку и промерзшая насквозь.

– Ее туда специально подложили, – сказала Ренн. – Словно кто-то хотел, чтобы мы непременно ее нашли. Смотри, как тщательно она выделана, а края даже проткнуты шилом, как для шитья. Похоже на чей-то племенной знак.

– Да, так и есть.

Торак взял у нее скатанную шкуру и попытался ее развернуть. Сверток затрещал, и оттуда что-то выпало. У Торака все поплыло перед глазами, когда, наклонившись, он поднял с земли маленький амулет хранителя племени Тюленя.

О, как хорошо был ему знаком этот поворот гладкой тюленьей головы! Как часто в детстве он пересчитывал крохотные когти на лапах искусно вырезанного зверя. С трудом подняв глаза, он сказал:

– Эти вещи принадлежали моему отцу.

Ренн с изумлением уставилась на него.

– Его мать была из племени Тюленя, и он всегда носил этот амулет. – Торак мучительно сглотнул. – Это он оставил его здесь – как знак нам. Он ведь уже несколько раз просил меня о помощи, а я ему не помог. Я отправился искать Волка...

– Ты должен был это сделать, – сказала Ренн. – Волку ты сейчас нужен больше всего.

– Но я отвернулся от своего отца... – горестно продолжал Торак. – Вот почему он оставил мне это.

– Нет! – Голос Ренн звучал почти жестко. – Это оставил не он. Это токороты.

– Откуда ты знаешь? – крикнул Торак. – Ну откуда тебе-то знать?

– Я, конечно, не могу быть совершенно уверена. Но я точно знаю: Эостра по всему Лесу разослала своих токоротов. И того филина тоже послала она, и ледяной дождь. А цель у нее одна: разлучить нас. Но пока ей сделать это не удалось. И разлучить нас с Волком ей тоже не удастся!

– А мой отец? – растерянно спросил Торак. – Как же мой отец?

Ренн отвернулась, посмотрела на искалеченный Лес, потом снова повернулась к Тораку:

– А это, возможно, вовсе и не он.

– А если он? Что тогда?

– А если это он, – сказала Ренн, не моргнув глазом, – то ты все-таки поступил правильно, когда пошел искать Волка. Потому что Волк жив! А твой отец мертв. А с мертвыми иметь дело нам нельзя.

Глаза Торака гневно сверкнули, но Ренн ни на шаг не отступила и взгляда не отвела.

– Он мертв, Торак. Мертв. И как бы ты ни хотел, ничто уже не сможет вернуть его назад. Волку, живому Волку, ты нужен гораздо больше!

Храня недоброе, колючее молчание, они вернулись к шалашу. Потом собрали столько топлива, сколько могли унести с собой, и Ренн сделала для них обоих маски из кусков мягкой оленьей кожи, чтобы защитить глаза от ледяного сияния.

Торак тем временем проверил, сколь велики у них запасы провизии: мешочек с лесными орехами, несколько лепешек из лосося, несколько ломтиков вяленой конины да немного брусники. Он хотел забрать с собой тот – отцовский! – клочок волчьей шерсти, но Ренн покачала головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.